

The book cover features a dark, atmospheric illustration. In the foreground, a large, textured, cylindrical object, possibly a piece of fabric or a roll of material, is shown with a pattern of irregular, light-colored patches. Behind it, a tree with bare, dark branches is set against a pale, overcast sky. Several glowing, golden-orange, bowl-shaped objects are suspended from the tree's branches, resembling lanterns or magical artifacts. The overall mood is mysterious and slightly somber.

Мария Фомальгаут

**ДОМ С ШЕСТИ ДО
ПОЛУНОЧИ**

Мария Фомальгаут

Дом с шести до полуночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33168904

ISBN 9785449081865

Аннотация

Чем дальше, тем больше понимаю, что здесь, рядом со мной, кто-то есть. Кто-то... Кто-то... Кто-то живой. Спрашиваю себя, что я знаю про живое, вытаскиваю что-то из глубин памяти: Петли. Это когда поток запетливается. Кольца. Это когда потока нет, одна петля сама по себе. Потоки. Ну вот, как я, например. Вспоминаю что-то про трехмерные структуры, тут же отгоняю от себя эту мысль.

Содержание

Дом с шести до полуночи	5
Черный цвет	10
Ашим	18
Убийство в доме	22
Клокман	29
Двойственная природа	37
Человек-потолок	42
Та-та-ма-та-те-те-те!	50
Что-то Другое	57
С запахом НФ	62
Космеан	72
Броня	79
Обострение	85
Шесть заряженных на нуль	95
Уникальная возможность	110
Система на простынях	129
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Дом с шести до полуночи

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-8186-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом с шести до полуночи

– Как мы счастливы! Миленький мой, как мы счастливы!

Честно говоря, я не разделял восторг Элизабет. Конечно, тридцать первое ноября тысяча восемьсот пятидесятого года досталось нам за смехотворную сумму, правда, не всё тридцать первое, а только вечер с шести до полуночи, – но и это при моих более чем скромных доходах было отличным приобретением. Но когда мы доехали до купленного дня и вошли внутрь, меня чем дальше тем больше не оставляло чувство, что здесь кроется какой-то жуткий подвох.

Я оглядел промозглый осенний вечер, подсвеченный огнями фонарей и зажженными окнами – и не обнаружил ничего, что предвещало бы какую-то беду. Восторг моей новопеченной супруги окончательно развеял мои сомнения – наконец, мы сошлись во мнении, что тридцать первое ноября продавали так дешево, потому что промозглый осенний вечер мало кому мог понравиться.

Мы осмотрели вечер и решили, что с шести до семи у нас будет маленькая, но уютная гостиная с камином и лучами осеннего заката. С семи до восьми мы обустроим столовую, где можно поднять бокалы, а с восьми до девяти расположится кухня с большой жаровней. С девяти до десяти я задумал сделать будуар для своей благоверной, а с десяти до одиннадцати – свой кабинет, но Элизабет сказала, что не хочет,

чтобы запахи кухни проникали к ней в комнату, поэтому нам пришлось поменяться. С одиннадцати до полуночи же мы обустроили уютную спальню с балдахинном и пологом.

Расставив мебель и развесив шторы и несколько картин, мы решили повидать наших соседей – оказалось, что с нами в одних сутках живут сразу три семьи: день арендовала семья Спейдов, веселая хохотушка жена и такой же супруг. Утро облюбовала вдова Харт с тремя дочерями. Ночь тридцать первого ноября приглянулась Диамондам – пожилой супружеской чете, к которым изредка навещался их сын. Мы пригласили соседей в гости – они оказались весьма милыми людьми, к тому же по секрету сообщили мне, почему время в тридцать первом ноября продается так дешево:

– Что же вы хотите, – шепнула мне младшая Харт, – вы сами подумайте, сколько в ноябре дней?

– Э-э-э... а-а-а-а... тридцать?

Меня прошиб холодный пот.

– Вот именно, тридцать.

– Значит, нашего дня...

– ...просто-напросто не существует.

– Но...

– ...а это значит, что наш день – её голос понизился до еле различимого шепота – из другой реальности.

– Да?

– Именно так.

– Кого не существует? – насторожилась моя супруга, недо-

вольная, что я оживленно болтаю с гостьей.

– Нашего дня, – повторила младшая Харт, – если об этом узнают, нас выселят. Но вы не беспокойтесь, пожалуйста, документы проверять никто не будет, мы тут двадцать лет живем...

Дамы перевели разговор на тему обустройства гостиной, я понемногу успокоился. Но ближе к вечеру, когда гости разошлись, мне вспомнился один момент, который тут же лишил меня покоя.

– Хотел бы я знать, – сказал я, – почему все эти Харты, Спейды, Диамонды платят вдвое больше, чем мы?

– Ну... может... осенний вечер никому не нравится...

Я свернул разговор – чтобы не беспокоить супругу, но про себя твердо решил как следует осмотреть доставшееся нам время. Когда Элизабет поднялась в будуар распаковывать свои вещи, я еще раз обошел доставшиеся нам апартаменты – но как ни старался, не нашел ничего подозрительного. Ну не считать же серьезной проблемой дождь в половине восьмого или сильный порыв ветра без четверти девять.

Чтобы подбодрить свою супругу, я стал рассказывать ей, как мы разбогатеем, и переедем в Рождество, а то и в далекое будущее – говорят, там хорошо. Но к моему немалому изумлению Элизабет отчаянно запротестовала – заявила, что не променяет наш уютный вечер даже на целое лето.

В половине одиннадцатого мы с Элизабет вспомнили, что навестили далеко не всех – ведь после полуночи, первого де-

кабрия тоже кто-то жил. Мы постучались в соседнее время – нам открыли почти сразу же, на пороге возник сморщенный старик с подслеповатыми глазами. Он представился мистером Клабом и показал свой дом – не дом, а настоящий замок на целую неделю до седьмого декабря. В замке оказалось множество комнат – большие залы, гостиные, каминные, бильярдные, шахматные комнаты, библиотеки... но чем дальше я смотрел прекрасный замок, тем больше меня поражала одна вещь...

– ...а где же время с полуночи до трех часов?

Почтенный Клаб вздрогнул.

– Э-э-э... друг мой, мой замок начинается с трех часов ночи...

– А что же до трех часов?

– Я не знаю, друг мой...

Я удивился, как это почтенный Клаб, столько лет живший в замке, ни разу не удосужился навестить соседа, живущего между полуночью и тремя часами. В ответ на это почтенный Клаб испугался еще больше и заявил, что нам нужно немедленно переехать к нему, иначе случится беда. Мы успокоили нашего соседа и заявили, что с нами всё будет в порядке.

Но когда мы вернулись домой, чем больше время приближалось к полуночи, тем больше меня охватывала тревога: я чувствовал, что странный дом еще себя покажет. Без пяти минут полночь у меня сдали нервы – я поднялся с кровати, теплее укутал Элизабет и распахнул окно – студеный ноч-

ной ветер ворвался в комнату, всколыхнул занавески. Ночной город встретил меня молчанием и темнотой – только несколько огоньков горели вдалеке, два из них были фонарями, а третий вспархивал над мостовой и зависал на несколько секунд – я так и не понял, что это было.

– Дэтти...

Оказалось, Элизабет не спала, во все глаза смотрела на большие часы с гирями – стрелка неумолимо приближалась к полуночи.

– Дэтти... мне страшно...

Я взял её за руку, непривычно холодную.

– Дэтти...

– Всё будет хорошо... вот увидишь...

Часы ударили полночь, полночь отозвалась утробным гулом. То, что я увидел в следующую минуту, заставило меня проклясть свое решение купить осенний вечер – но было уже позд...

Черный цвет

– Вы убрали листья? – мой хозяин побледнел, как свежесвыстиранная простыня, – вы? Убрали? Листья?

Я вежливо откашлялся и приготовился к обороне: я уже знал, что мой хозяин, мягко говоря, со странностями, и может выкинуть всё, что угодно. Однако, скандал по поводу убранных листьев – это было что-то новенькое. Мне даже захотелось в сердцах предложить хозяину, давайте, я снова разбросаю листья по двору – но я тут же отогнал от себя эту мысль.

– Да, сэръ, – я вежливо поклонился хозяину, – я взял на себя смелость...

– ...немедленно разбросайте... вы слышите меня?

– Простите?

– Немедленно разбросайте листья.

– Но...

– Что Но? Что Но? Вы не поняли, что нужно разбросать листья?

– Я их...

Мой хозяин сжал кулаки.

– ...только не говорите мне, что вы их сожгли.

– Но... это действительно так.

– Черт побери... на кой черт я вообще вас нанял...

Я хотел было возразить, что любой другой работник

на моем месте сделал бы то же самое – но предпочел промолчать.

– Срочно... срочно засыпьте это чем-нибудь... я не знаю... срочно...

– Я оторопело посмотрел на своего хозяина:

– Но... чем?

– Простыни... простыни... скорее несите простыни!

Меня передернуло. При одной мысли, что придется вынести белоснежные простыни и расстелить их на земле мне стало не по себе: я вспомнил, сколько труда стоило Дженни отбелить эти простыни, представил себе её лицо – но снова промолчал.

– Скорее же... скорее!

Я посмотрел в пустые глаза своего хозяина – и окончательно убедился, что он безумен. Про себя я твердо решил заявить о расчете, как только... как только что... собственно, что мне мешает сделать это прямо сейчас...

Когда мы вышли на улицу с простынями, оказалось, что зарядил дождь, какой-то слишком сильный для осени – мой хозяин остановился на пороге, сжимая корзину с простынями и воздел глаза к небу:

– Всё... всё пропало...

– Что пропало?

– Да вы не понимаете, если мы их сейчас положим, они станут черными! Черными!

– Разумеется.

– Значит, всё пропало... всё...

– Он отбросил простыни и подскочил ко мне:

– Скорее! Зажигайте свечи! Свечи!

Делать было нечего, я зажег фонарь у входа и заспешил по дому, чтобы зажечь свет. Темнота за окнами тем временем сгущалась, её не могли разогнать даже всполохи фонарей. И чем дальше, тем больше мне казалось, что вместе с темнотой вокруг нашего дома собирается что-то другое – оно заглядывало в окна, оно смотрело, дышало, черт побери – оно чувствовало и думало...

Оно...

Что оно...

Я хотел спросить у хозяина, что здесь вообще происходит, – но мой господин уже не смотрел на меня, всё его внимание было поглощено предметами в доме – он бегал из комнаты в комнату, хватал все вещи, которые казались ему темными, выбрасывал их в окна.

– Друг мой... – хозяин повернулся ко мне, – помогите... помогите мне вытащить этот шкаф...

Я оглядел массивный шкаф и понял, что даже совместными усилиями мы не сможем выбросить эту здоровенную машину на улицу.

И тут меня осенило.

– А если... а если накрыть его белой простыней?

Хозяин так обрадовался, что даже пожал мне руку, чего раньше никогда не делал.

– Да вы просто гений... как хорошо, что я взял вас к себе на службу... ну, конечно же... давайте... скорее же, скорее!

Мы завесили шкаф простыней, задернули шторы и зажгли в комнате побольше свечей. Мой господин придиричиво оглядел мои безупречно белые волосы и белоснежный пиджак, недовольно хмыкнул.

– Ну, хорошо... может быть, продержимся... до снегопада...

– До сне...

– Друг мой, разве вы не слышали, что сегодня обещали снегопад?

Я покорно кивнул – и устроился возле камина, где было теплее всего. Моё внимание привлёк рисунок на камине, выполненный тончайшей кистью – сказочный город, над которым расправил крылья дракон. Хозяин проследил за моим взглядом – тут же побледнел и пошел красными пятнами, его руки задрожали.

– Черный... – он показал на рисунок, – черный...

– Ну да... вам не нравится черный цвет?

Он подскочил как ошпаренный:

– Да как вы не понимаете... это же черный цвет, черный цвет!

Я хотел возразить, что в черном цвете нет ничего страшного – но тут же спохватился, что спорить с безумцем бесполезно. Нарисованный на камине город между тем не отпустил мое внимание, – он манил, он очаровывал, он... в эту се-

кунду я понял, что город тоже смотрит на меня, более того – он видит меня, он понимает меня, он думает, он...

Он...

Город...

Нет, не город.

Цвет.

Черный цвет.

– Нет! – мой хозяин сорвался на крик, – нет! Не смотрите! Не...

Я больше не слышал его – черный цвет окончательно околдовал меня, мне казалось, что он нашептывает мне что-то... что-то...

– Не смотрите! Нет! Нет!

Хозяин бросился ко мне, начал отчаянно стирать рисунок с камина – но чем больше он размазывал по камину краску, тем больше черного цвета становилось на поверхности. Вскоре черный цвет перебрался с камина на стены и ковер, а еще чуть погодя я понял, что черная краска растекается по комнате сама собой, её уже не нужно размазывать руками...

– Мы проигрываем, – прошептал мне хозяин.

Вместо ответа я отдернул штору – предчувствия меня не обманули, действительно за окном сыпал снег, густой, белый, и всё вокруг стало белым-бело.

– Скорее на улицу! – крикнул я.

Мы бросились прочь из дома – благо, комнаты находи-

лись на первом этаже. Нас окутал нестерпимый холод, но мы не замечали его, холод был не самым страшным. Мы поспешили прочь в заснеженное поле, белое-белое, и снегопад окутал нас непроглядной пеленой.

– Друг мой... мы ушли от него... – выдохнул хозяин.

– От кого?

– От черного цвета...

– Это невероятно... я до сих пор не могу понять... вы хотите сказать, что цвет... может думать... понимать...

– Вы мало знаете о цвете, друг мой...

– Это только черный цвет так?

– Нет, что вы, все цвета... черный, белый, синий, красный...

Чувствую, как у меня начинают закипать мозги:

– А... а если желтый с синим перемешаются, зеленый будет, это будет новое сознание, новый разум?

– Ой... сложно все там...

– А эти всякие цвета, которые и не отличишь, вроде там зеленого-салатового всякие, сестра у меня швея знатная, она различает...

Хозяин недовольно косится на меня:

– Слушайте, я вам это всё объяснять начну, мы с вами вообще отсюда не уйдем... а выбираться надо...

– А за вами все цвета гоняются?

– Ну что вы... только черный...

– А что он вам сделал, черный цвет этот? Или, может...

может, вы ему сделали?

Мой хозяин бледнеет, красные пятна на щеках.

– Ну что вы, я...

– ...тогда отчего же он хочет вас убить?

– Да кто ж его...

– ...а может, это вы его уничтожили? Там, в других мирах? И теперь он пришел сюда, чтобы поквитаться с вами?

– Откуда вы...

– ...а вот знаю.

– Зачем вы...

...чтобы разобраться с вами.

Он усмехается почти истерически.

– Ничего... ничего вы мне не сделаете... снег...

Я молчал. Я уже видел, что снег перешел в дождь, и только что белоснежное поле мало-помалу темнеет...

...темнеет...

Он вцепляется мне в воротник:

– Вы... вы нарочно всё это подстроили? Нарочно, да?

Не отвечаю. Отвечать некому – почти некому, он истлевает у меня в руках, дождь смывает белую краску с моих волос, сбрасываю с себя белоснежный пиджак.

Оглядываюсь. Подхватываю то, что я называл своим хозяином – белого там уже не осталось, остался просто человек. Человек не подхватывается, бессильно падает к моим ногам, что такое, пьян, болен... прикладываю пальцы к горлу, понимаю – мертв.

Иду к дому, на ходу рассуждаю, что случилось с человеком, или белый его убил, или взял уже мертвого – неважно, неважно. Теперь можно и своего человека отпустить, пусть идет... человек встряхивает головой, пытается понять, что случилось, не может – уходит в темноту ночи, подсвеченную фонарями...

АШИМ

Миша оборачивается.

А там Ашим.

Миша бежит.

Ашим догоняет.

А потом Ашим бежит.

А Миша догоняет.

Вот весело-то.

А мама ругается, ну, мама, она всегда ругается, а-а-а, пошел бы уроки учить, кому они, эти уроки, нужны, или там ругается – а-а-а, пошел бы с ребятами поиграл, да пошли они, ребята эти, куда подальше, с Ашимом-то интереснее...

Почему Ашим?

Ну, то Миша, а то Ашим.

Сейчас утро, Ашим сейчас дли-и-и-нный-предлинный, вон он, по полю растянулся.

Ашим за Мишей от солнца прячется.

Потому что...

Ну... потому что он Ашим.

– Мы нашли его.

– Точно нашли? Или как в прошлый раз будет?

– Не будет... мы его нашли.

– Ну что... будем брать?

– Не получится.

– Что это не получится, где он там спрятался? Найдите этот объект, и...

...не получится.

– А что это не получится-то, а?

– Объект... перемещается.

– Повторите.

– Перемещается объект...

– Ветром его, что ли, несет?

– Да нет... он сам движется... а наш им управляет...

– С ума сойти можно... ладно... придумаем сейчас что-нибудь...

– Пошли скорей!

Это мама.

Мишка смотрит в глубину улицы, в переплетение зажженных фонарей, нет, что-то тут не так...

Что-то...

А.

Ну да.

Фонари-то, фонари, они со всех сторон светят, а Ашим-то как же, Ашим...

И Миша:

– Не пойду-у-у-у-у-у!!!

– Это еще что такое? А ну быстро!

– Не-е-е-е-е-е!

Миша вырывается, бежит в темноту, Ашим вытягивается, дли-и-и-ный-предлинный...

– Назад! Быстро!

Это мама.

Миша не слышит, бежит в темноту, скорее, скорее, спастись Ашима – Ашим вытягивается всё больше до самого горизонта...

– Вот он...

– Ну что, будем брать?

– Не выйдет... слишком быстро перемещается.

– Так что же...

– ...спокойно... ничего не надо делать... само всё делается... само...

Миша убегает в темноту ночи, прячется в тень, вот теперь-то Ашима никто не тронет, никто-никто, вот теперь-то всё хорошо будет, вот теперь...

– Ашим!

Миш Ашима окликает.

Тишина.

– Ашим?

Снова тишина.

Нет Ашима.

Нет.

– Ашим!

А Ашима – нет.

– Отбой.

– Что такое?

– Отбой.

– Вы взяли его?

– Нет.

– Но... тогда почему...

– Он сам себя извел.

– В смысле?

– Додумался тоже... в тень ушел...

...способны только к существованию в окружении света...

– Аши-и-и-им!

Убийство в доме

– Господин дворецкий... у нас в доме... убийство.

– Что вы говорите? – дворецкий смотрит на меня, глаза навывкате, – что?

– Э-э-э... убийство. В доме. В библиотеке.

Дворецкий подсакивает необычайно резво для своей необытной фигуры, всплескивает руками:

Черт подери, только этого нам еще не хватало! Хозяин будет с минуты на минуту... Кто-нибудь еще знает?

– Э-э-э... только вы и я.

Дворецкий подозрительно смотрит на меня, будто думает, а не убрать ли меня, как свидетеля. Наконец, обреченно взмахивает рукой.

– Давайте... скорее, скорее, уберем его... пока не видит никто...

– К-как уберем?

– Обыкновенно, как... не знаю, как... чер-р-рт, я вообще не знаю, как убийство убирать... а вот... пакет давайте какой-нибудь... нет, коробку... нет, пакет... нет...

Наконец, останавливаемся на пакете для хлеба. Осторожно, бочком-бочком подбираемся к библиотеке, спохватываемся, что с собой даже ружья не взяли, да какое ружье, можно подумать – убийство убивают из ружья...

Шепотом заглядываем в комнату, готовые в любой мо-

мент отпрянуть. Убийство сидит на столе, смотрит на нас – без глаз, без лица – смотрит. Набрасываю мешок, что я делаю, что делаю, во сейчас оно меня на кусочки порвет, как во сне слышу крики дворецкого, мешок, мешок завязывай, идиотина, мешок, мешок...

Дворецкий мясистыми пальцами перехватывает у меня веревку, завязывает мешок, переводит дух.

– Обошлось...

– Погодите-погодите, не обошлось... дальше-то куда это девать прикажете?

– Э-э-э... в мусор выбросить...

Спохватываюсь:

– А если вылезет?

– Слушайте, ну и задачка... – дворецкий обреченно смотрит на меня, подсказывает, подброшенный звонком в дверь, – всё, хозяин пришел... ну, сейчас нам всем будет...

Ни с того ни с сего дворецкий сует мне в руку пакет с убийством, выталкивает меня через черный ход. Скольжу на крыльце, подернутом первым снегом, отчаянно соображаю, что делать дальше, бреду в темноту улицы, подсвеченной тусклыми фонарями...

– Малец, ты чего?

С размаху врезаюсь в полицейского, последний оторопело смотрит на ношу в моей руке.

– Это чего у тебя такое?

– Э-э-э...

Понимаю, что нельзя молчать, понимаю, что сейчас придется сказать всё, всё, всё...

– У меня тут... убийство.

– Че... чего?

– Убийство... в доме у нас было... а мы его в мешке вынесли... а-а-а-а-а... а не подскажите, куда его...

– А, так это за городом место одно есть... пошли, малец...

Идем куда-то в темноту зимнего вечера, полицейский недовольно бормочет, замучились мы с этими убийствами, лезут и лезут...

Добираемся до заснеженной пустоши на окраине города, страж порядка подводит меня к заброшенной шахте, которая кажется бездонной, подхватывает мой мешок, бросает в черноту.

– Все, малец... избавились... а ты не робкого десятка, я смотрю...

– Спасибо, сэр.

– А то давай к нам работать... а то наши молодчики вообще ни в какие ворота не годятся, я ему говорю, убери убийство, а он у двери встал, руки трясутся...

– А-а-а, с-спасибо... подумаю...

– А то такой парень смысленый, и в слугах пропадает...

Возвращаюсь домой, только на кухне чувствую, как пробирает мелкая дрожь. Оглядываюсь на кухарку, ожидаю трепку, трепка не начинается, кухарка спешит ко мне, замерз, бедный, наливает мне говяжий суп – догадываюсь, что

дворецкий с ней поговорил...

– А теперь... никто не умрет?

Смотрю на кухаркину дочурку, сидит в уголке, смотрит на меня огромными глазешками:

– А теперь... никто не умрет?

Меня передергивает:

– Ну что такое говоришь, малява... все хорошо будет, с чего нам умирать...

– ...а убийство...

– ...а нет уже никакого убийства.

– Нет-нет?

– Нет-нет, что ты...

– Ну что, парни... убийство.

Смотрю на начальника полиции, что-то подсказывает мне, что дело серьезное.

– И... где?

– Флит-стрит восемьдесят восемь. На перекрестке.

– Уже седьмое за неделю, – вырывается у меня, – откуда их... столько?

– Похоже, поналетели из теплых краев, – говорит Винстон, похоже, просто так, чтобы что-то сказать.

– А может, с севера, – добавляет кто-то.

Шеф хмуро смотрит на нас, – спохватываемся, покорно идем к указанному перекрестку. Идем все разом, кто знает, какое убийство окажется на этот раз. А в прошлую пятницу

мы все всемером не могли сдвинуть эту огромную тушу.

– А что... что делать будем? – спрашивает молоденький юнец, он здесь первый день.

Пожимаю плечами:

– Убийство уберем, что же еще.

– А оно нас... оно нас не съест?

– Что ты, они же не двигаются...

– А не укусит?

– Да не укусит, не укусит, не бойтесь...

– А то меня собака так цапнула, когда во двор чужой залез...

Тихонько думаю про себя, чего ты вообще в чужой двор полез, кто тебя туда звал, за яблоками полез по молодости, не иначе. Ладно, все мы такие были, я тоже был не сахар...

Задумываюсь, почти спотыкаюсь об убийство, убийство слабо фыркает, – это новенькое что-то, раньше никогда убийство не фыркало, не дышало, не...

Черт.

Хватаем убийство – впятером, тащим по улице, прохожие в ужасе шарахаются в стороны, кто-то испуганно крестится. Когда мы добираемся до шахты, начинаю чувствовать, как отваливаются руки. Что-то настораживает возле шахты, что-то, что-то, что-то... не сразу понимаю, что слышу со дна шахты утробный рокот...

– Чего встали, парни... сбрасываем!

Это шеф.

Сбрасываем убийство, оно падает во тьму, переворачивается на лету, сверкает глазами, хочет уцепиться за края, но цепляется... не цепляется... не...

Утробный рокот усиливается.

– Ну, все... пойдете, чего тут мерзнуть... на ветру.

Уходим к городу, к живительному свету фонарей и теплу окон, откуда доносятся аппетитные запахи. Утробный гул сзади усиливается, стараюсь не слышать, не замечать...

– И давно вы так?

Это юнец. Зачем-то прикидываю, сколько он здесь продержится, зачем-то говорю себе – недолго.

– Да... лет двадцать уже как...

– И... много вы убийств туда...

– Да порядочно...

– Нет, правда, сколько? Сто? Двести? Триста?

– Да тут на тысячи наберется...

Юнец бледнеет. Нет, не продержится он у нас долго, не продержится...

– Вы... вы хоть понимаете, что сделали?

– В смысле?

– Это... это сколько там убийств...

Хлопаю его по плечу:

– Не выберутся.

– Да нет, вы не понимаете... убийства... убийства... много убийств... вы хоть понимаете, что там... там... там...

Не договаривает, оглушенный грохотом оттуда, из шахты.

Думаем, небо упало на землю, или земля на небо, или как.

Начинаем понимать, что там, там, в шахте, откуда уже показываются танки, пулеметы, еще что-то такое...

Шеф кричит что-то, прячьтесь, прячьтесь, – не слушаем его, не слышим, выстраиваемся, направляем ружья в темноту, защитить город от войны...

Клокман

– Разрешите... я вам помогу.

– А?

Смотрю в серую пелену дождя, думаю, померещилось. Нет, не померещилось, так и есть, он стоит возле меня, циферблат вместо лица, тянет ко мне пальцы-пружины, скрепленные шестеренками.

Разрешите... я вам помогу.

Смотрю на охапку книг в своих руках, понимаю, что помощь будет очень кстати.

– Э-э-э... спасибо.

Человек с циферблатом подхватывает мою ношу, торопится по улице. Отчаянно пытаюсь понять, как это все на нем держится, не понимаю.

– В экипаж, пожалуйста... сюда... да-да, спасибо...

Сажусь в экипаж, человек с циферблатом замирает у двери:

– Э-э-э... а может... может, вам еще помочь там до дома донести? Или еще чего... а я бы помог...

Настолько теряюсь, что даже не успеваю сказать – нет. Человек с циферблатом устраивается на сиденье, экипаж подсакивает на повороте, циферблат отваливается, рассыпается у моих ног на мириады мелких деталей. Смотрю на то место, где у человека должна быть голова – головы у моего

спутника нет, из тощего горла торчат пружины, шестеренки, винтики, пульсируют артерии...

Черт...

Кидаюсь собирать детали, в глубине души чувствую, что ни черта это не поможет, он уже мертвый, мертвый, да как он вообще был живой...

Он...

Кто он...

Не знаю...

Мой попутчик шарит непослушными руками по дну экипажа, вытаскивает детали, кое-как прилаживает к голове, тут же теряет руку, неуклюже прилаживает её на место, теряет вторую руку, снова прилаживает, бормочет – спасибо, спасибо...

– Да не за что... вы поосторожнее...

– Вот так вот всегда, чуть что, сразу разваливаюсь... ну не гожусь я ни на что, не гожусь...

Меня передергивает.

– Ну, что вы... на все-то вы годитесь, что вы так...

– Ой, правда? А вы... а вы меня на службу возьмете? А я вам помогать буду... поднести там чего...

Экипаж останавливается, мой странный спутник услужливо тащит книги к моему дому, хочет открыть дверь, не может, ничего, ничего, я сам...

– А вы... а вы кем работаете? – не унимается человек-часы.

– А я писатель...

– Ой, как здорово... а я вам помогать буду... а я перенесу там чего, если надо...

Думаю, как бы потактичнее сказать, что сто лет мне никакой помощник не нужен. Человек-часы ловит мой взгляд, весь как-то стушевывается, вижу – и сам понимает, что ему здесь не рады.

– А... ну... всего хорошего... приятного вам... вечера...

Вхожу в дом, на ходу подбираю стопку газет, смотрю на первую страницу, а что здесь моя фотография делает, – писатель-то я писатель, только не такой писатель, чтобы про меня в газетах печатали, я только отказы издательские собираю...

А тут вот, нате вам.

Фотография.

Дрожащими руками разворачиваю, читаю, это еще что, это...

...перевернулся с моста, в экипаже находился начинающий писатель Максимилиан Редволл...

(Это я)

...но черт возьми, какое – перевернулся, какое – погиб, какое – похороны, вот же я, доехал же, живой, живой...

Прислушиваюсь к себе, – память рвется с поводка, грызет уздечку, встает на дыбы, сует какие-то нездешние, не мои воспоминания, мир, летящий кувыркком, экипаж колотит меня со всех сторон, ледяная вода хватает, давит, душит, коло-

чу кулаками, выход, выход, выход, должен быть выход, выхода нет, темный бесконечный туннель, в конце которого должен быть свет – но света нет...

– Что вы... что вы?

...открываю глаза, почему это я сплю при свете, почему я в одежде, почему я лежу на полу в прихожей, почему человек-часы хлопочет вокруг меня, попутно теряя то руку, то шестеренку, то шляпу...

– Вам лучше?

– Ага...

– Дать вам воды?

– Э-э-э... мне бы чаю покрепче... с капелькой ликера...

– Сейчас, сейчас, сию минуту...

– А... а что со мной было?

– Не обращайтесь внимания, это пройдет...

– Что. Со мной. Было, – повторил я.

– Вы... упали с моста. В экипаже.

– Да не падал я, не было такого...

– Было-было, помните же...

– Не напоминайте... и вообще... я как, по-вашему, живой тут стою?

– А я время отмотал...

– К-куда отмотали?

– Назад отмотал. И мы снова поехали, и уже не упали...

Меня передергивает.

– Вы что... время...

– ...я же человек-часы.

– Ну, вы вообще молодец...

– А если чего, я вам еще куда время отмотаю... а я вам помогать буду...

– С-спасибо.

– А я могу быть героем, да?

– Можете, конечно, вы еще какой герой...

– Ой, а приключения у меня будут?

– Будут, куда же без них...

– Ой, как здорово... – человек-часы наливает мне чай, ро-
няет в чашку часовую стрелку, – а то видите, как, меня автор
придумал, выдумал вот – человек-часы... а что я делать буду,
не придумал... не пишет больше...

– Не пишет?

– Ну да... послушайте, а вы же писатель?

– Есть маленько.

– А вы, может, поговорите с этим... моим писателем...

– О чем?

– Ну... может... уговорите его как-нибудь, чтобы он про
меня допридумывал? А то ведь не дело это, придумал, и бро-
сил...

С ужасом вспоминаю все свои недописанные задумки,
с еще большим ужасом представляю, что будет, если все мои
персонажи придут ко мне...

– Ну, хорошо... вы же знаете, где живет ваш... автор?

– Разумеется, – человек-часы назвал мне адрес, от кото-

рого я недовольно поморщился: ехать на другой конец города мне не хотелось.

– Ладно... ладно... завтра мы поедем туда...

Только когда экипаж остановился возле старинного дома, до меня стало доходить, как, собственно, банально и нелепо выглядит то, во что я вляпался: рядом со мной сидит несуществующий персонаж, и сейчас я пойду просить его автора, чтобы тот дал своему герою жизнь. К стыду своему признаюсь, в какой-то момент я даже подумывал, а не вернуться ли назад – но, к счастью, тут же отогнал от себя эту мысль.

Звоню в колокольчик – никто не откликается, это странно, что никто не откликается, а свет наверху горит. Толкаю дверь – что я делаю, что делаю – вхожу в дом, сейчас-то меня и выгонят, нечего по чужим домам шариться...

– Он там... наверху... – подсказывает человек-часы.

– Ага, ага, иду...

Поднимаюсь наверх, снова говорю себе – что я делаю, что делаю. Смотрю на человека в кресле, сидящего спиной ко мне, думаю, зря я ему помешал, сидит, пишет, еще не хватало отвлекать...

Осторожно покашливаю.

Нет ответа.

– Простите, я...

Тишина. Нехорошая какая-то тишина. Подхожу к сидящему, трогаю за плечо...

...мертвых раньше видеть не доводилось, ловлю себя

на том, что стою на коленях, щупаю пульс на шее, пульса нет, ничего нет...

– Еще бы он про вас дописал...

– А что такое? Нет, я понимаю, эка невидаль, человек-часы... но всё-таки...

– Да нет... он умер...

Хочу добавить что-нибудь про сердце, смотрю на пиджак, залитый кровью, понимаю.

– Его убили.

– К-кто убил?

– М-м-м... а вот это вам и предстоит выяснить.

– Мне?

– Ну да, конечно... вы хотели приключений? Вот, пожалуйста...

– И я буду героем?

– Ну, конечно же.

Человек-часы хочет обрадоваться, тут же спохватывается, бросается к своему создателю...

– Я знаю... я знаю, кто его убил...

Оживляюсь:

– Вы нашли убийцу?

– Да. Это вы...

(последние строки стерты)

...ну да. Бросается к своему создателю. А дальше человек-часы будет искать убийцу. Я ему приключения всякие придумывать буду, на целую книжку хватит, да что на книж-

ку, целую серию сочиню... У меня все получится, вон у меня сколько рукописей... Что говорите, почерк не мой? Ну-у-у... с возрастом почерк меняется... А, ну вот: На следующий день мы с человеком-часами (я назвал его Клокман) решили наведаться к бывшей жене покойного писателя и разузнать что-нибудь... Ну и что, что на самом деле у него не было жены, я её придумал...

Двойственная природа

– Где вы были прошлой ночью?

Смотрит на меня, не моргая, лицо бескровное:

– Дома я был.

– Ну, хорошо, а вторая ипостась ваша где была?

Он мнетя, кусает губы, прикидывает...

– Не знаю.

– Что, не знаете, где вы сами были?

Вспыхивает:

– Ну а что, думаете, я сам за собой всегда уследить могу, что ли?

Смотрю на него, не знаю, верить, не верить, что мы про него знаем, вообще, что он сам про себя знает...

– Янтарь, Янтарь, как слышно?

Янтарь – это я. Раньше у меня было другое имя, только это было раньше, а кто сюда попал, у того уже имен нет...

Отзываюсь.

Продолжаю путь, если это можно назвать путем – здесь, на многокилометровой глубине...

Гранат не выдерживает:

– Поднимайтесь.

Сжимаю зубы:

– Нет.

Гранат снова не выдерживает:

Поднимайтесь. Немедленно. Вы ж там погибнете.

Киваю:

– Погибну.

Воздуха больше нет, да его давно уже нет, только теперь это чувствуется особенно остро. Опускаюсь – ниже, ниже, ниже, все тело кричит, что хочет жить, я не слышу его, не слышу, не слышу...

Боль разрывает голову, понимаю, что это уже всё, это конец, – всё-таки успеваю разглядеть что-то в океанских глубинах, там, там, там, на самом дне...

...потягиваюсь в кресле.

Гранат сочувственно спрашивает:

– Всё... умерли вы... да?

Выдыхаю:

– Умер... не, вы что подумайте-то, правда там фрегат...

– Слушайте, ну вы вообще молодец...

Электрон может находиться в двух местах одновременно...

– Где вы были этой ночью?

Смотрит на меня.

Не моргая.

– Вы каждую ночь уходите... куда?

– Слушайте, не помню я, не знаю я, чесслово...

– Ма, а я на Марсе был!

– Ну, хорошо, иди, иди...

– Неа-а-а, а я, правда, был!

– Иди, иди, хорошо...

– Ну, ма-а-а-а!

– Да ты отстанешь от меня или нет? За уроки и не брался опять!

Заряд электрона неделим и равен...

– ...ну, знаете, в детстве было всякое такое, отправлялся куда-то... к черту на рога, куда глаза глядят... Знаете, это ощущение свободы, когда вот ты только что на Земле, и тут ты уже на Марсе где-нибудь...

– И умирали там?

– Умирал, конечно, человек там не выживет... раньше еще чувствовал, когда я второй там задыхался, мамка по врачам таскала, понять не могла...

– А сейчас вы продолжаете свои путешествия?

– Нет, ну сейчас только по работе... как-то не тянет уже срывать с места куда Макар телят не гонял... старею, наверное...

...натирали шерстью куски янтаря и смотрели, как к ним притягиваются разные вещи...

– Шагу отсюда не ступите!

– Да не ступаю я шагу...

– Ага, врите больше, ни шагу он не ступает, как ночь, так начинается...

– Слушайте, ну честное слово, не могу я себя контроли-

ровать!

– Что значит, не можете, что значит, не можете, а если вы так вообще убьёте кого-нибудь? Не может он... я вот вообще почему знаю, что вы по ночам полстраны не перерезали? Дождетесь, что на вас всех глухарей повешают...

...одновременно существует как частица и как волна...

– Этот где?

– Сбежал, где...

– Да вы охренели, что ли, сбежал? Я вас русским по белому сказал запереть его...

– Мы и заперли.

– И как понимать прикажете?

– Вот так и понимать...

– Через стену, что ли, просочился?

– Ну, конечно... он же и так, и так может...

– А вы куда смотрели?

– Куда-куда, кто ж знал, что он так... в него наши стреляли, ему хоть бы что...

...бегу через поле, давненько не бегал, еще с детства за-сели все эти, не бегай, не бегай, не кричи, еще бы сказали – не дыши, не живи...

Падаю в траву, поднимаюсь, снова бегу, земля расступается впереди, небо раскрывается навстречу – живое, огромное, оскаленное звездами. Бежать, бежать, неважно, куда, да куда тут можно бежать, на Земле в два счета найдут, а не на Земле

я долго не продержусь...

...Вижу себя на погасшей звезде, вижу себя где-то в холодных пучинах космоса, чер-рр-т...

Движение электронов позволяет переносить энергию...

Еще не захожу в комнату, понимаю – он там. Хочу позвать его по имени, вспоминаю, что не только не помню, как его зовут, но и не знаю...

– Янтарь, – зову в темноту, – Янтарь...

– Привет...

– Вы... кто вас гонит? Кто?

Человек-потолок

- Запутанное дело, – повторил я.
- Крайне запутанное, – согласился мой шеф.
- Главное... ни единой зацепки.
- Ни единой, – снова отозвался шеф.

Хочу спросить начистоту – как мне это прикажете расследовать, шеф меня опережает:

- Вам поможет человек-потолок.
- Простите?
- Вам поможет человек-потолок.

Мне кажется, я ослышался. Все-таки переспрашиваю:

- Кто?
- Человек-потолок.

И смотрит на меня так, будто сейчас добавит: что непонятно-то?

– А-а-а...

– ...он будет ждать вас в офисе. Завтра в половине девятого.

Думаю, кто из нас сошел с ума, он или я, или оба...

...он, или я, или оба...

Смотрю на часы – девять утра, нет никакого человека-потолка, да и не будет никакого человека-потолка, просто... просто потому, что его нет.

Думаю, как бы потихоньку просочиться из офиса, мне еще много чего предстоит сделать, мне еще надо найти вчерашний день. Потому что... впрочем, не будем забегать вперед.

Потихоньку собираюсь, перекидываю через локоть пиджак, когда слышу приглушенное покашливание. Нет, померещилось. Нет, снова слышу, осторожное покашливание, так покашливают, когда хотят привлечь к себе внимание, но стесняются.

– Э-э-э... здравствуйте.

Вздрагиваю от низкого голоса, чуть с хрипотцой. Еле выжимаю из себя:

– Доброе... утро...

– Извините... за опоздание.

– Да ничего, ничего, я... а вы где?

– Я здесь.

Оглядываю комнату, хоть убейте, никого не вижу.

– Мы будем работать вместе, – говорит всё тот же голос.

– Очень... очень рад.

Называю свое имя. Жду.

– Очень приятно. Человек-потолок.

– Что?

– Я... человек-потолок.

Наконец, догадываюсь задрать голову. Вздрагиваю – такого я увидеть не ожидал. Все-таки говорю:

– Очень... очень приятно.

– Да что приятно, что приятно, что вы сочиняете, ни-

чегошеньки вам не приятно! Смотрите на меня, как на... как на...

– Ну что вы, что вы...

– Ну ладно... рассказывайте, что у вас там случилось...

Отвечаю:

– Ищем вчерашний день.

– А он что... пропал?

– Да, видите как... вот вчера смотрим на календарь, должно быть тринадцатое, пятница, а тут четырнадцатое, суббота... день пропал.

– А что же вчера не искали?

– Так второй день ищем...

– И откуда он пропал... этот день?

– Ну... из хранилища дней из какого-нибудь.

Говорю просто так, чтобы что-то сказать, сам не верю, что есть какое-то хранилище дней.

– В таком случае я обязательно его найду... Ну что вы на меня так смотрите?

Не выдерживаю, говорю то, что думаю:

– Да вы же потолок, вы же в этой комнате сидите, как вы вообще искать что-то будете?

– Ах, в этой комнате? – тон человека-потолка меняется, – а ничего, что в соседних комнатах тоже потолки есть?

– Так вы... вы по всем комнатам можете? Во всем мире?

– Ну, разумеется, а вы как думали... да что такое, как увидят, начинается, – человек-потолок, человек-потолок...

– Ну, видите, есть же там, человек-паук, человек-муравей... а то вот человек-потолок, – поясняет шеф.

– Но...

– ...а что вы хотите, этому городу нужен герой.

– Но почему...

– Что почему?

– Почему человек-потолок?

– А почему бы и нет? А чем человек-потолок хуже... м-м-м... человека-фонаря? Или человека-сканера? Или человека-подоконника?

– М-м-м-м... ничем.

Хочу возразить, хочу хотя бы спросить, как этот человек-потолок собирается расследовать дело – не спрашиваю.

ВЫЗЫВАЕТ

НОМЕР НЕ ОПРЕДЕЛЕН

Жму на зеленую кнопку, тут же ругаю себя, на кой черт я это сделал, сейчас начнется, здравствуйте, только для вас сегодня уникальная возможность...

– Вечер добрый. А я его не нашел.

Узнаю голос.

– К-кого не нашли?

– Вчерашний день.

– А-а-а-а...

– Вы понимаете... я все комнаты обыскал... во всех до-

мах... и нигде нет, нигде-нигде, понимаете, нет такого хранилища!

– Да... да... понимаю...

– Хочу ответить – нет, так нет, как-то с самого начала было понятно, что его нет.

– Вы понимаете, что это значит?

Откашливаюсь:

– Это значит... что хранилища нет.

– Ошибаетесь... вот так, человек-потолок, человек-потолок... а человек-потолок поумнее вас будет... я-то вот знаю... вы должны мне помочь.

– Да, конечно.

– Вы должны обыскать все здания, у которых недавно рухнул потолок.

– Э-э-э... х-хорошо.

– Хорошенько ищите, давайте... будет вам вчерашний день...

– На кого вы работаете?

Это уже потом. Совсем-совсем потом. Прижимаюсь к стене хранилища, смотрю на незнакомца, где-то я его видел, где-то, где-то...

...или нет.

– На кого работаете?

Хранилище. Если это можно назвать хранилищем. Хранилище украденных дней, так я назвал это про себя. Четыре

стены без потолка, еще бы человек-потолок тут что увидел.

Дни. Дни. Дни. Столбиками. Россыпями. Штабелями.

Это хранилище я обнаружил совершенно случайно – когда уже отказался от поисков, когда уже направлялся домой – что-то привлекло мое внимание у обочины дороги, дом, который, как показалось мне, был без крыши – и не показалось, крыши действительно не было.

Но были дни.

Дни, дни, дни.

И осторожное покашливание за спиной.

Оборачиваюсь, смотрю на человека, догадываюсь:

– Это вы... украли?

Он посмеивается:

– К вашим услугам.

– На кого... на кого...

...не договариваю, – рыльце револьвера смотрит мне в лицо.

Все-таки выжимаю из себя:

– На кого... работаете?

– Ну... ну, допустим, на человека-фонаря.

– И что... есть такой?

Представьте себе... есть.

Смотрю на него, думаю про себя – врет, как пить дать, врет...

Взводит курок.

Чер-р-р-т...

Спохватываюсь. Только сейчас понимаю, что нужно делать: хватаю кусок фанеры, кладу на стены, где угол, ну давай же, ну не падай, ну, ну, ну...

Не падает.

Держится.

Умоляюще смотрю на фанерку, ну давай же, давай, ожидай уже, фанерка не движется, неужели не получилось, ну же, ну же, ну...

Человек-потолок оживает.

Резко.

Внезапно.

Стреляет в незнакомца – раз, другой, третий, даже не успеваю крикнуть, что черт побери, не велено убивать виновных, не велено...

– А вы молодец... – кивает мне человек-потолок, – догадались... потолок из фанерки сделать.

Хочу ответить что-то вроде – рад стараться, вместо этого спрашиваю:

– А... а как вы стреляли-то, вы же потолок?

– Э-э-э, вы не забываете, я человек-потолок, я и стрелять умею, и много еще что... А то все сразу – человек-потолок, фу, человек-потолок, что он может вообще, а он вон какой...

– Да вы вообще молодец.

– Ну вот, доброе слово и человеку-потолку приятно... сами-то отнесете дни на место?

– Обязательно отнесу, – собираю дни, дни не помещаются

в руках, норовят выпасть.

– Сумку, сумку возьмите, вон, в углу какая-то валяется...

Вытряхиваю из запыленной сумки мелкий сор, складываю дни, дни, дни, ого, тут и за позапрошлый век есть, да какой позапрошлый, тут и до нашей эры что-то попадается...

Выхожу на улицу, держусь в свете фонарей, в конце шоссе фонари заканчиваются – зажигаюсь сам. Только пройдя несколько кварталов, решаюсь посмотреть, что я, собственно, похитил. Трехтысячный до нашей эры.. нет, это несерьезно... а вот позапрошлый век надо бы посмотреть...

Та-та-ма-та-те-те-те!

– Не надо, не надо, не на-а-а-до-о-о-о!

Это женщина.

Не вижу отсюда, только слышу – женщина.

– Не на-а-а-до-о-о-о!

Теперь вижу. Ведут, заламывают руки. Их четверо. В белом. Спины ощерились эмблемой безопасности.

Снова не вижу – отсюда, с балкона, вообще мало что видно, вот прошли они два шага, исчезли за деревом. Женщина визжит что-то про ребенка дома, зря ты, голуба, про ребенка сказала, сейчас и его туда же.

– Не-е-е-е-е-е-ет!

Визг переходит в звериный рев.

Снова вижу. Как открывается дверь в стене. Женщину за-талкивают туда, в темноту, она еще что-то кричит про ребенка, очень надеюсь, что врет.

Думаю, какая это по счету.

Думаю, что счета давным-давно уже нет.

Смотрю на свои пальцы.

Не синие.

Нет, не синие.

Подношу к свету, померещилась какая-то синева, отчаянно вспоминаю, должна такая синева быть на пальцах или нет, ничего не вспоминается.

Шепчу какие-то молитвы – пронеси, пронеси...

– Та-та-ма-та-те-те-те!

Дети.

Прыгают.

Играют.

– Та-та-ма-та-те-те-те!

Мяч стучит.

Отсюда детей не вижу за деревом, вижу только мяч. Синий мяч бьется в стену, почему синий, почему, почему, почему...

– Та-та-ма-та-те-те-те!

Отсюда опять же не слышу, что кричат, кричалку какую-то, какие они были в нашем детстве, ча-сы-про-би-ли-ров-но-семь, или там – вы-шел-е-жик-из-ту-ма-на...

Мяч взвивается над стеной, улетает куда-то в пустоту.

Вздрагиваю.

Босоногий пацан лезет на стену, чё делаешь, чё делаешь, хочу крикнуть – не успеваю, пацаненок исчезает за стеной...

Жду.

Снова появляется курчавая головенка, мальчишка тащит мяч, победно орет что-то, хочет перебраться через стену назад – исчезает, подкошенный автоматной очередью.

Меня прошибает пот.

Смотрю на охранника с автоматом, одобрительно киваю.

Проверяю руки.

Не синие.

Нет.

Не синие.

– Сколько за сегодня?

Человек в белом смотрит на меня, не моргая, кивает:

– Двести.

Мне кажется, я ослышался.

– Двес-ти?

– Ага...

Хочу сказать – это конец.

Не говорю.

Хочу сказать – город будет спасен.

Тоже не говорю.

– Руки покажите.

Это я.

– А?

Это парень в очереди.

– Покажите руки.

Это снова я.

Парень протягивает ладони, поворачиваю, смотрю на пальцы, чер-р-рт...

Вежливо улыбаюсь:

– Х-хорошо. Проходите, пожалуйста.

Незаметно нажимаю в кармане передатчик.

Там поймут.

Парень догадывается – не знаю, как, но догадывается,
срывается с места, бежит по улице...

– Взять!

Стреляют.

На поражение.

Сколько раз говорил, не на поражение, сколько раз, нет,
все без толку...

Толпа на площади рассыпается на отдельных людей, толпу
окружают, врешь, не уйдешь...

– Сколько сегодня?

Человек в белом сглатывает:

– Тысяча.

Хочу сказать – это конец.

Не говорю.

Мне мерещится хлопанье крыльев.

Там.

За стеной.

Смотрю на свои пальцы.

Не синие.

Не синие.

Не синие.

В городе Последний Оплот...

Перечитываю документ, вычеркиваю – Последний Оплот,

думаю, как назвать наш город, должно же быть какое-то название, должно...

Моя жена зовет меня по имени.

В разных реальностях у меня разные имена – это зависит от того, какой город остался в живых, когда все случилось.

Иду в комнату, новый окрик одергивает меня на пороге:

– Не... не входи.

– Что такое?

Еще не знаю, что такое.

Догадываюсь.

Смотрю на свои пальцы.

Не синие, не синие, не синие.

Где-то хлопают крылья.

Где-то стучит мяч.

– Та-та-ма-та-те-те-те!

Жена что-то спрашивает из комнаты, не могу расслышать – только догадываюсь.

– Ну что ты, не бойся даже... ничего я про тебя не скажу.

Выхожу из квартиры, спускаюсь на нижние этажи, вынимаю передатчик.

Нажимаю кнопку.

– Сегодня четыре.

Вопросительно смотрю на человека в белом. Не понимаю, четыре чего – сотни, тысячи, миллиона...

– Нет. Просто четыре.

Меня пробирает холодок. Неужели...

– Похоже, мы справились.

– Похоже...

Хлопают крылья.

Там.

За стеной.

Не слышать, не слышать, не слышать...

– Та-та-ма-та-те-те-те...

– Руки покажите, будьте добры.

Это я.

Мельком смотрю на собственные руки.

Прошибает пот.

Люди тоже смотрят на мои руки.

Все.

Разом.

– Не надо, не надо, не на-а-а-а-а-адо-о-о-о-о-о-о!

Так полагается кричать.

Я не кричу.

Шагаю по ту сторону стены.

Дверь захлопывается.

Еще одна.

Еще одна.

И еще.

Хлопанье крыльев.

Со всех сторон.

Смотрю на них, ощеренных перепончатыми крыльями,
понимаю.

Ищу знакомое лицо – сам не знаю, зачем...

Что-то Другое

Город умирает – в последнем проблеске сознания бросает в пустоту воспоминание, страницу никогда не написанной книги, обрывок чьего-то сна, не расшифрованные тайнописи на стенах потерянно гробницы... Что-то устрашающее, непонятное, начертанное на стене храма – то, что несет погибель...

Когда всё становилось слишком сложно, Что-то Другое перебирался на край вселенной, где у него было потаенное местечко, известное ему одному, – на звезде, погасшей много лет назад, подсвеченной сиянием другой, еще живой звезды. Что-то Другое отталкивался от пустоты, как умел только он один, разгонялся до головокружительных скоростей – всё быстрее и быстрее, пока мир вокруг него не погружался во тьму, потому что луч света не мог обогнать стремительный полет Чего-то Другого. Этот безумный путь продолжался мириады веков – так велико было расстояние до края вселенной. Что-то Другое нехотя замедлял свой бег, отчаянно пытался вспомнить события последних веков – и не мог, потому что память слизало время, обращенное вспять в резвой гонке. Еще чуть погодя Что-то Другое начинал привыкать к тому, что впереди появился ярко-синий свет, а позже – сияние со всех сторон.

Память неумолимо влекла Что-то Другое к погасшей звезде

де. Нет, возле этой звезды не случилось ничего такого, что могло бы привлечь внимание Чего-то Другого – именно это и привлекало Что-то Другое, уставшего от бесконечной сложности вселенной. Здесь Что-то Другое погружался в медитативное созерцание – на века и века. Если бы кто-то видел Что-то Другое с стороны, то предположил бы, что Что-то Другое следит за чем-то по ту сторону вселенной – но видеть было некому.

Так продолжалось до того дня, когда Что-то Другое увидел на погасшей звезде город. Город был не похож на другие города, да все города не похожи друг на друга – но все-таки Что-то Другое понял, что это именно город. Он раскинулся у подножья гор, как будто прятался от света далеких звезд, что было странно – обычно города тянулись к свету.

Что-то Другое испугался – потом задумался. Он не знал, чего ждать ему от города, он вообще не ожидал, что здесь будет – город. Город тоже не ожидал, что здесь будет Что-то Другое, более того – город даже не понимал, что здесь, рядом с ним прячется Что-то Другое.

Что-то Другое посмотрел на город – город был слабым, город был маленьким, город был не из тех городов, которых следовало сторониться или от которых следовало обороняться. Город, скорее, был из тех городов, которые можно было просто не замечать.

Просто.

Не замечать.

В конце концов погасшая звезда была достаточно большой, чтобы на ней разместился и Что-то Другое, и город – и даже не один город, а множество городов. Так решил Что-то Другое – почти-почти решил, когда задумал заглянуть вперед – не немножко вперед, а совсем-совсем вперед, насколько хватало глаз, – увидел.

Что-то Другое изумился – он никак не ожидал, что город убьет его. Пусть даже через мириады мириад веков – убьет... Что-то Другое посмотрел на город – и города не стало. Если бы он хотел, он мог бы убить город, но он просто сделал так, что города не стало.

Что-то Другое хотел успокоиться – но не мог, воспоминания о народе лишили его безмятежности. Он понял, что погасшая звезда никогда не будет такой же, какой была до того, как на ней появился город. Более того – он понимал, что вряд ли сможет найти еще одно такое же местечко, просто... потому что...

По крайней мере, одним Что-то Другое был доволен – смертельная опасность больше не грозила ему...

– Видишь там?

– Вижу, мой мудрый.

– Что там, свет?

– Нет, мой мудрый.

– Что там, тьма?

– Нет, мой мудрый.

– Что там, жизнь?

– Нет, мой мудрый.

– Что там, смерть?

– Нет, мой мудрый.

– Что там?

– Что-то другое... мой мудрый.

Мудрый не понимает, мудрый волнуется, мудрый не знает, чего ждать от этого, от этого, от чего-то другого...

Обо всем об этом Что-то Другое не вспоминал – сейчас, века и века спустя. Он умирал – по крайней мере, так ему казалось – он уже не прилагал усилий, чтобы лететь через беззвездную пустоту, он несся в пустоте по инерции, пересекая световые года. Он должен был найти хоть какой-то источник тепла – если это вообще было возможно в черной пустоте.

Что-То Другое слышал тепло – бесконечно далеко отсюда. Он еще не знал, что это за тепло – он послал зов, даже не надеясь, что он будет услышан...

Мудрый спохватывается.

Смотрит пророчество.

Пророчество древнее, пророчество давнее, древнее самого города, отсюда кажется – древнее самой вселенной, пришедшее откуда-то издалека. Воспоминание из бесконечно далекого прошлого, страница никогда не написанной книги, обрывок чьего-то сна, не расшифрованные тайнописи на стенах потерянно гробницы... Что-то устрашающее, непонятное, начертанное на стене храма – то, что несет гибель...

Что-то Другое послал сигнал мира – он знал, что этот сиг-

нал должны были понять, просто обязаны были понять, просто... просто потому, что по-другому не может быть, потому, что всегда и везде узнавали, всегда и везде. Что-то Другое прислушался – сигнал был услышан и понят, это главное – услышан и понят.

Что-то Другое приближался к вожделенному очагу – он все еще не знал, что будет дальше, он так и не понял, почему – режим уничтожения, почему, почему, был же сигнал мира, почему...

С запахом НФ

Так.

Без паники.

Говорю себе – без паники, у самого трясутся руки, черт, черт, черт, черт, чер-р-р-рт...

Отступаю назад, назад, назад, прижимаюсь к стене, дальше отступать некуда, дальше только тихонько-тихонько по стеночке отползать к двери, может, успею выскочить, и что с того, что успею выскочить, можно подумать, он меня не догонит...

Он...

Почему я решил, что это он, – осклизлый, пропахший какой-то тухлятиной, выбивается из стального панциря, подбирается ко мне.

– А мне бы... духи подобрать.

Померещилось. Где духи, какие духи, уже кажется черт знает что...

Отступаю к двери, бочком-бочком...

– А мне бы... духи.

Спохватываюсь. Нет. Не померещилось. Точно, бормочет, выговаривает:

– А мне бы... духи.

– Э-э-э... да это вам в магазин парфюмерный надо...

– А мне сказали, у них нет, а мне сказали, к вам надо...

Думаю, как бы потактичнее сказать, что у нас тут химлаборатория, разве что серной кислоты могу подкинуть, да и то не могу, меня директор потом так подкинет, мало не покажется.

– А мне бы духи... а вы сделаете, да?

Тихонько посмеиваюсь про себя, я что, на парфюмера сильно похож, или как. Все-таки спрашиваю, сам не знаю, зачем:

– Вам... какие духи надо?

В глубине души подумываю, а вдруг и правда серная кислота или формальдегид какой, продадим ему пузырек...

– А мне бы это...

Мне кажется, я ослышался. Ну конечно, он фыркает, клочечет, давится словами, поди, разбери...

– С чем духи?

– С запахом...

Никакой ошибки.

Еще надеюсь, что это растение какое-нибудь, ну как бывает – роза, горечавка там всякая, а то – научная фантастика.

И чувствую.

Не растение, нет.

– Да как же я вам... сделаю-то...

– Ну, я не знаю... как-нибудь...

– Хорошо... постараемся...

– А то видите, я как...

Смотрю на него. Не вижу, он – как. На всякий случай ки-

ваю.

Захлопываю книгу.

Открываю следующую.

Прочитываю несколько страниц – тоже закрываю, не то, не то, не то...

Черт...

Не умеют писать, не умеют...

– Ну, вот... что-то такое получилось...

Жуткая осклизлая дрянь подбирается к пузырьку в моей руке, принохивается, причувствуется.

– Я туда запах космоса добавил... – говорю зачем-то.

Осклизлая дрянь... тьфу, черт, черт, чур меня, чур, что я думаю, что я думаю вообще, если эта тварь мысли читает, мне хана...

Вонючая нечисть роняет на стол горсть желтых камней, еще не знаю, что это, догадываюсь – золото. Вертится в голове, что снадобье столько не стоит, тут же гоню от себя эту мысль, дают – бери...

Захлопываю книгу.

Не то, не то, все не то.

Разучились писать, разучились...

Выключаю свет, ладно, спать, спать, завтра на работу вставать рано...

...он бежит по коридорам, по лестницам, по этажам, спотыкается сам о себя, поднимается куда-то по бесконечно-му лабиринту – вверх, вверх, вверх. Он знает, что должен добраться до самой сердцевины нагромождения коридоров и лестниц, что там будет что-то... что-то... Его останавливают, спрашивают что-то пропуск какой-то, он что-то показывает или что-то делает, какой-то пароль – отсюда не вижу, его пропускают, он спешит дальше, его снова останавливают на каком-то другом уровне, выше и сложнее, он снова показывает пароль – но что-то не срабатывает, его...

...а вот не успеваю увидеть, убивают его или еще что —
– просыпаюсь.

– А мне бы... духи...

Знакомый запах, знакомая нечисть, тьфу, тьфу, чур меня, чур, опять я про него плохо думаю...

Уже не говорю про парфюмерный магазин, уже спрашиваю:

– Вам... какие?

– Так с запахом...

– Все то же.

Все-таки осторожно спрашиваю, правда ли он имеет в виду научную фантастику, жанр такой, или ему чего-то другое надо, цветы так называются или там что...

Нет.

Жанр.

Спохватываюсь, что об этом я его не спрашивал, значит, и правда мысли читает, черт, как я вообще еще живой стою после того, что тут про него думал...

– А те... не понра...

– Не понравились.

– Ну, хорошо, хорошо, я что-нибудь придумаю... квантовой механики добавлю или еще чего...

– А-а-а... с-спасибо...

Открываю книгу.

Еще одну.

И еще.

Листаю несуществующие страницы несуществующих книг, в этой, кажется, что-то есть...

Нет.

Нет.

Нет.

Бред.

Отбрасываю книги, которые никогда не будут написаны.

– Вот... попробуйте... может... понравится...

Он принимает. Задумывается.

– Х-хорошо... спасибо... попробую...

Бросает на стол россыпи золота, спохватываюсь, думаю – да вы погодите, да вы сначала попробуйте, подойдут, не по-

дойдут духи, он думает – да ничего, ничего, это вам за труд...

Открываю книгу, книга чем-то цепляет, еще не могу толком понять, чем именно, какая-то попытка квантовой механики...

...нет.

Бред.

Бред.

Бред.

Проваливаюсь в сон, что-то мечется по бесконечному лабиринту лестниц, переходов, коридоров, что-то хочет добраться до сокровенной сердцевины, где... а что где, не знаю, не вижу отсюда, сон сам решает, что мне показывать, что нет. Его останавливают – снова просят что-то, пропуск, пароль, – он подает, показывает. Поднимается выше, петляет в каких-то переходах, коридорах, лестницах, спрашиваю себя – почему он не пытается обойти посты охраны, почему идет через посты, показывает не то пропуск, не то пароль, охранники (отсюда не вижу, люди они или что иное) принимают...

Принимаются...

...только сейчас понимаю, что все это время на всех постах они принимались, – недовольно фыркают: не то.

А что с ним дальше, я не вижу – просыпаюсь.

– А мне бы... духи...

Вздрагиваю. Оглядываю комнату, где он, где он может быть – а вот он, подползает ко мне, нда-а-а, крепенько его потрепали, крепенько...

Спохватываюсь:

– Это... это они вас так?

Они...

– А мне бы духи...

– Да-да, конечно... – хлопаю себя по лбу, – слушайте, да дались вам эти духи вообще, а? Что вам эта фантастика... вы кто вообще... вы что такое вообще... ну вот что вы есть, то и есть, зачем вам...

Он смотрит на меня.

Понимаю – дались ему духи, дались...

– Слушайте, ну... я про вас напишу... вот... возьму, напишу... про вас...

– Духи...

– ...Х-хорошо, хорошо, хорошо... будут вам духи... будут...

Перебираю книги. Книги, которые не были написаны. И не будут. Потому что... потому что я отбрасываю их одну за другой, одну за другой. Только теперь я ищу не то, что искал всегда – я ищу его...

Его...

Отчаянно пытаюсь представить себе, каким он должен

быть, – ничего не представляется, в парочке ненаписанных книг попадает что-то такое, бережно выкладываю их на стол, потом посмотрю получше, может, и получится он у меня...

На столе пустота – книг еще нет, их никто не придумал – и все-таки боюсь смахнуть это несуществующее ничто...

– Вот... духи ваши...

Он недоверчиво смотрит:

– Думаете... поможет?

Сжимаю зубы:

– Поможет... должно помочь... Слушайте, вы не бойтесь даже... они вас пропустят... пропустят... просто... потому что...

Он хочет бросить на стол желтые камни, отмахиваюсь, отнекиваюсь, да что вы, что вы...

Перебираю книги, которые положил вчера на стол, листаю, читаю, – нет, все не то, не то...

Сжимаю зубы.

Заставляю себя выбрать одну из книг, пропади оно всё пропадом, пропади...

ОТКРЫТЬ ФАЙЛ

Когда всё становилось слишком сложно, Что-то Другое перебирался на край вселенной, где у него было потаенное

местечко, известное ему одному, – на звезде, погасшей много лет назад, подсвеченной сиянием другой, еще живой звезды. Что-то Другое отталкивался от пустоты, как умел только он один, разгонялся до головокружительных скоростей – всё быстрее и быстрее, пока мир вокруг него не погружался во тьму, потому что луч света не мог обогнать стремительный полет Чего-то Другого...

...нет.

Не то.

Всё не то.

СОХРАНИТЬ ФАЙЛ?

ДА НЕТ

Сохраняю. Сам не знаю, зачем. Спать, спать, спать...

Жду его.

Он не приходит.

День, другой.

Третий.

Ищу его – не нахожу. Перебираю ненаписанные книги, быть не может, чтобы его не было, а ведь нет, нет, нет...

Засыпаю.

Оглядываю лабиринты – никто не торопится, никто не спешит, никто не пытается просочиться в самую сердцевину...

Смотрю на посты.

Хочу спросить – пустили или нет.

Думаю, позволит мне сон или не позволит...

Космеан

Космос шумит, космос волнуется, волны бьются головами о берег, где-то в глубинах космоса мечутся беспокойные рыбы.

К вечеру космос затихает, и в нем отражаются звезды.

– Это вам корабль нужен.

Вздрагиваю. Нет, я, конечно, готов был к тому, что Асгард находится далековато, но никак не ожидал, что придется добираться на корабле.

Спохватываюсь:

– Э-э-э... а какой корабль... космический, или...

На меня смотрят так, будто я задал идиотский вопрос.

– Ну что вы глупости спрашиваете...

– А где я могу взять корабль?

– А вон... в порту...

Океан разбегается во все стороны, – бешено, безумно, стремительно – подброшенный Большим Взрывом, мечется, ощеривается галактиками, разгоняет звезды – быстрее, быстрее, быстрее.

Иду к порту, подсчитываю оставшиеся средства, прикидываю, хватит мне на корабль или нет. Не хватит, точно

не хватит, мы же самые умные, мы же экономить не умеем, мы же...

– А мне бы... корабль.

Смотрю на человека возле шлагбаума, осторожно говорю:

– А мне бы... корабль.

– А-а-а, без проблем, без проблем... выбирайте... какой на вас смотрит...

Иду между бесконечными рядами кораблей, которые качаются на волнах, смотрю в бесконечную даль океана, подернутого звездами, пытаюсь понять, где заканчивается вода и начинается небо, – не вижу.

– Один поедете?

– Ага.

А вот, Ласточку возьмите, в два счета домчит...

Смотрю на Ласточку, думаю, что не так с этой Ласточкой, да все с ней не так, с этой ласточкой, только я этого пока не знаю, узнаю, когда куплю, когда разобьюсь на этой ласточке, только тогда уже поздно будет...

Человек называет цену, отсчитываю банкноты, понимаю, что на обратную дорогу мне уже не хватит.

– Ну, вот... программа тут задана, Ласточка сама полетит, вы не волнуйтесь даже...

Волнуюсь. Все-таки спрашиваю то, что хотел спросить уже давно:

– А это... какой корабль?

– Да говорю вам, Ласточка.

– Да нет... в смысле...

– Ка-Экс сорок семь дробь одиннадцать, четыре эл.

– Да не-е-ет... в смысле это... космический или такой?

– Ну, вы как вчера родились, чесслово.

– Нет, ну, правда, не разбираюсь я...

– Ну а вы сами-то подумайте, вы через это вон на чем пересечете?

Он показывает на серебристую гладь, подернутую звездами, понимаю, что – не понимаю.

– А...

Уходит, оставляет меня наедине с Ласточкой, наедине с тем, что впереди...

Делать нечего, забираюсь в ласточку, пристегиваю ремень, а, ремень есть, значит, всё-таким полетим, смотрю на штурвал, нет, всё-таки что-то не то...

Космос окружает со всех сторон, плещется волнами, где-то на огромной глубине проплывает что-то несуразное, темное, – корабль осторожно берет в сторону. Рассекаем бесконечную пустоту океана – раньше я и не думал, что может быть так красиво, только я и звезды...

Не выдерживаю.

Спрашиваю.

Вот так.

Вслух:

– Да вы кто, океан или космос?

– А что... и так и так... нельзя?

Вздрагиваю. Голос у него низкий, хрипловатый, жесткий такой.

– Что... нельзя?

– Что я, не могу одновременно быть океаном и космосом?

– Н-нет.

– Да почему нет-то? Где написано, что нет?

– Ну... м-м-м-м... – хочу ответить, что где-нибудь да и написано, понимаю, что:

– Нет.

– Ну, вот видите... а то как увидит кто-нибудь, так начинается... а вы океан или космос... Достали уже... вот вы мне скажите, вы по профессии кто?

– Журналист я.

– А это что? А не говорите, всё равно не пойму... Ну вот, вы мне скажите, – вы человек или журналист?

– Так... и так, и так.

– Ну вот, а мне почему нельзя, чтобы и океан, и космос?

Хочу что-то возразить про видовую принадлежность и профессию, не возражаю.

– Или вы из этих? – спрашивает океан, который космос.

– Из... из каких из этих?

– Ну... из этих.

Чувствую тревогу в его голосе, стараюсь успокоить:

– Нет-нет, не из этих я.

– Ну, хорошо, успокоили, а то я уже думал, вы из этих...

Ближе к вечеру космос начинает волноваться, волны поднимаются все выше и выше, уже подумываю, как бы космос меня не утопил. Нет, снова успокаивается, как будто понимает, что везет на себе корабль с человеком. Хочу расспросить космос про него самого – кем он сначала был, космосом или океаном. Может, родился океаном, долго смотрел на звезды, а потом сам захотел стать звездами. А может, космос всю жизнь чувствовал, что ему чего-то не хватает, а потом заглянул в глубокие бездны океана.

Не знаю, с чего начать разговор, хочу поблагодарить космос-океан за то, что он меня поберег, но тут же спохватываюсь:

– Вы волновались... что-то случилось?

– Да... они нашли меня...

– К-кто они?

– Они... эти... они тоже вот все орали... так нельзя-а-а-а, или вы океан, или вы космос, мы вас аресту-у-уем...

– И что... арестуют?

Космос молчит. Вздыхает.

– Так за чем же дело стало... прячьтесь ко мне в ласточку!

– Но... я же так не смогу...

– Почему не сможете? Вот вы космосом и океаном быть можете?

– Но... это другое...

– Что другое, что тут не так, давайте, прыгайте...

Космос-океан прыгает в корабль, тут же захлопываю люк.

– Вы космос не видели?

Это уже там.

На космодроме. Или в порту, не знаю, как правильно.

Восторженно киваю:

– Ага, видел, видел, красота такая...

– ...да нет... вы это... не видели, куда он делся?

– Кто делся?

– Космос... который океан.

– Э-э-э... так космос или океан?

– Космос... который океан. Океан... который космос...

– Слушайте, не понимаю, вы про что вообще...

Таможенник смотрит на меня с подозрением:

– Корабль ваш разрешите осмотреть.

Вздрагиваю.

Бросаюсь к штурвалу.

СТАРТ

Гравитация рвет на куски, размазывает меня по кабине, норовит выдавить внутренности. Отключаюсь – на какие-то доли секунды, ледяное дыхание космоса возвращает меня к жизни, соленый океанский ветер овеивает лицо.

Открываю глаза.

Дотягиваюсь до штурвала.

Океан вздыхает:

– Вы... вы рискуете.

– Рискую.

– Слушайте, они до вас доберутся, они вас тоже убьют...

– Убьют.

– Но вы...

– Не бойтесь... оторвемся...

Мельком смотрю на потрепанную газету со своей фотографией, с подписью – разыскивается. Человек-журналист. И дальше что-то там про нарушение законов мироздания...

Броня

– Кольчугу возьмете?

– Да лучше сразу доспехи.

Продавщица обреченно смотрит на меня.

– М-м-м... вашего размера... н-наверное нн-нет...

– А давайте посмотрим.

Смотрим. Меряем. Качаю головой. Нет, быть не может, чтобы моего размера не было, одни эти кольчужки дешевенькие на меня налезут...

– М-м-м... а броня какая покрепче есть?

– Есть... только дорого...

Смотрю на девушку. С ненавистью. Тебя не спросили, дорого не дорого, если не на ламборджини сюда приехал, или как его там, это не значит, что я нищий.

– Ну вот, например... титановая...

– Не пробьет?

– Что вы, непробиваемая.

Задаю коронный вопрос:

– А сами-то вы ею... пользуетесь?

– Не для нашей зарплаты.

Теперь уже в словах продавщицы слышится укор. Ну что ты на меня как на врага народа смотришь, я, что ли, виноват, я, что ли, магазином вашим заведу, зарплату начисляю...

– Мм-м... а попробовать броню где-нибудь... можно?

– Ну... можете залог оставить, на улицу выйти... там сейчас самое то...

Выхожу...

...возвращаюсь, восхищенный.

– То, что надо... Даже ничего не почувствовал. Слушайте, я бы раньше эту броню нашел, я бы ничего другого и не брал...

Продавщица подобострастно улыбается, мол, рады стараться, все для вас, и все такое...

...ное самоубийство в Московской области, подросток выбросился из окна семнадцатого этажа. По предварительным данным причиной поступка стала ссора с любимой девушкой. У пятнадцатилетнего ученика 47-й гимназии не было достаточно крепкой брони, зарплаты матери еле хватило на броню первого уровня.

ОСТАВИТЬ СВОЙ КОММЕНТАРИЙ

Правильно, вот так вот про детей забывают, потом на тебе. Себе, поди, мамаша броню получше поставила, а ребенку и что поплоче сойдет...

Я своей доче самую лучшую броню купила, в кредиты залезла, не поскупилась. Даром, что ей только двенадцать, шестой класс, в шестом классе черт знает что творится, сама помню школьные годы чудесные, черт их бы драл.

Правильно, на броне экономить нельзя, самим потом дороже выйдет...

Медленно-медленно открываю дверь. Прислушиваюсь.

Никого ни чего в подъезде. Если бы кто-то был, я бы назад кинулся. Опрометью. Медленно выхожу. Дверь закрываю на три оборота. Прислушиваюсь. Черт, шаги... нет, это мои собственные, ничего...

Кубарем скатываюсь по лестнице, долго жду у закрытой двери, пока пройдут все прохожие, туда-сюда, чесслово, видеть никого не могу, ни знакомых, ни незнакомых...

Никогда не был таким беззащитным.

Просачиваюсь в дверь ближайшего магазина, молюсь, чтобы здесь отказалось то, что надо, чесслово, сил нет что-то искать...

– Что-то подсказать?

Вздрагиваю. Ну, я теперь от всего вздрагиваю. Даже от девушки с лучезарной улыбкой.

– Это... у меня броня... трещину дала.

Сейчас покрутит пальцем у виска, так не бывает.

– Что же... бывает.

Вздрагиваю.

– Хотите сказать... я не один такой?

– Конечно. Броня, она же не вечная...

Чуть не ору – да что ж вы сразу-то не сказали...

– Ну ничего, мы вам сейчас другую подберем...

– Таковую же долговечную?

– Ну а как вы хотели, они все такие сейчас...

Продавщица смущенно улыбается. Я тоже смущенно улыбаюсь. Смотрим друг на друга, конечно, через броню, пря-

мого взгляда мы бы не выдержали. Говорят, душа от человеческого взгляда умирает...

Еду в пазике, слушаю новости. Конечно, через броню. Не через броню новости наши слушать невозможно, даром, что передают их тоже через броню. Теракт в Кении. Ураган смел половину Сан-Франциско. В связи с дефицитом бюджета правительство в наступающем году...

Тьфу.

Встречаемся взглядами. С ней. Еще думаю, ба, знакомые все лица. Смотрим, конечно, через броню. За пределами магазина она кажется живее, интереснее...

Она подсаживается ко мне первая. Растягивает губы в улыбке.

– Я к вам... делегатом. От моей души.

– Вот оно как...

– Мне кажется... наши души друг другу нравятся.

Снова улыбаюсь:

– Похоже на то.

Её ладонь ложится мне на руку.

– Может... у тебя попробуем?

– ...выбросился из окна. Экспертиза установила, что его душа была защищена примитивной броней класса двадцать один, которая признана неэффективной еще со времен...

Стараюсь не слушать бормотание диктора на экране. Мне в детстве повезло больше, родители как-то сразу подсуетились насчет брони, я вообще не помню, чтобы я что-то чув-

ствовал. О чем только нынешние думают, вообще не знаю...

Лежим в темноте, в тусклом свете экрана. Еще обнимаем друг друга, еще боремся с подступающим сном. Вика – так она себя назвала – сонно жмурится.

– Может... попробуем?

– Давай...

Бережно-бережно открываем броню. Открываем одновременно. Чтобы без обмана.

Чувствую, что не могу посмотреть на свою душу, не могу решиться. За много лет я уже забыл, какая она, а может, никогда и не обращал внимания.

Заглядываю под свою броню.

Смотрю.

Не понимаю.

Кажется, моя душа выглядела как-то иначе. Неважно. Вынимаю из-под брони истлевший скелет, усаживаю в кресло. Вика делает то же самое, вынимает из своей брони полурассыпавшиеся кости, усаживает рядом с моими.

Дальше мы не нужны, дальше наши души сами разберутся. Устраиваемся каждый за своим компом, ждем.

Души не шевелятся.

Ладно, им виднее.

Набираю в поисковике – душа. Один миллион картинок. Никто не знает толком, как должна выглядеть душа... ну... еще раз смотрю, нет, душа должна выглядеть как-то не так...

Минутная стрелка делает круг.

Встаем. Пакуем свои души обратно в броню. Пожимаем друг другу руки, говорим протокольные слова вежливости. Расходимся.

Кажется, нашим душам было хорошо...

Обострение

Жизни осталось на полчаса, не больше. Давненько такого не бывало – да что давненько, никогда так не бывало. Это как в игре, когда останется у тебя одна-единственная жизнишка, а вокруг как нарочно полчища монстров, и как хочешь, так живи... Только тут не игра, тут не будет никаких гейм овер, не будет никаких перезагрузок и «начать новую игру»...

Уже не иду – бегу по улице, это я, конечно, зря, бегущий человек сразу привлекает внимание. А что делать, когда смерть приходит...

Переулочек вырывает меня навстречу мужчине в костюме.

– Время... не подскажете? – в отчаянии спрашиваю я.

Мужчина исчезает в соседнем переулке с быстротой молнии. Чует, скотина, что жареным запахло...

Не иду – бегу дальше, оглядываюсь, молюсь – не знаю, кому. Цокают каблучки, довольно киваю, на углу дома складываюсь пополам, хватаясь за сердце...

Сумерки расступаются, выпускают девушку.

– Помогите... пожалуйста... – шепчу, сам пугаюсь своего шепота, – сердце...

Девушка не уходит – уносится в туман. Вот сволочь... Да, не те времена пошли, раньше, бывало, только схватишься где-нибудь за сердце, к тебе толпами бегут, скорую вызыва-

ют, а теперь...

Да чтоб ты сама с инфарктом где-нибудь загнулась...

Иду по улице, пошатываясь, чувствую, что мне и правда становится худо – жизни осталось минут на пятнадцать. Черт... какого хрена я тянул, какого хрена не вцепился им в глотки – сразу же...

Какого...

Нет, все, не упущу, дай только выжить, дай только выкарабкаться – я своего не упущу, я...

А ведь почти упустил, еле заметил их, идущих мимо, вышагивают, целуются, от девчонки легкий дух чего-то цветочного...

Есть...

Не упускать...

Бросаюсь за ними, хватаю дамочку под руку.

– Нинка, ты какого тут делаешь? Уже хахаля себе нового отхватила?

– Тебе чего? – парень шагает ко мне, – давно бошку не отрывали?

– Лешик... ей-богу, я его не знаю... Лешик... я... – девушка хватается парня за руку, тащит за собой.

– Да погоди ты... мужик, тебя как, сразу убить, или потом?

– Да давай сразу... потом я тебя...

Мир летит кувырком...

...вытираю губы, несколько кровавых капелек падают на курточку. Ничего, много их тут уже, засохших... Оглядываюсь напоследок, как они лежат, прижавшись друг к другу, даже после смерти – вместе.

Как всегда, разливается по телу живительное тепло.

Как всегда больно сжимается сердце. Сколько их таких было... Женщины, дети, вот такие вот парочки, у которых, кажется, все впереди, и весь мир такой прекрасный и замечательный, и...

Отворачиваюсь – иду в ночь, жизни хватит недели на две, снова две недели наедине с собой, со своими мыслями, с... Пересчитываю содержимое двух бумажников, черного, кожаного и розового, расшитого бисером. Многолько... на кино, на выставки, на театры, на что угодно, только чтобы занять свой ум...

Только, чтобы...

Чувствую, как все переворачивается внутри. Нет... не думать...

Оборачиваюсь.

Лежат, залитые кровью, тесно прижавшись друг к другу...

Даже после смерти – вместе...

Не могу...

Не ходи туда...

Все кипит и клокочет внутри, все внутри меня буквально кричит, что я иду на погибель. Я и сам знаю – на погибель.

И все-таки иду, шаг за шагом, чувствуя, как больно сжимается сердце... наверное, так чувствует себя человек, идущий в огонь. Или человек, замерзающий в снегах... или...

Спотыкаюсь, чуть не падаю, чувствую, ноги уже не держат меня, земля подпрыгивает и покачивается под ногами. Внутри все кричит – просыпаются какие-то древние, первобытные инстинкты, древнее меня самого. Чувствую, что это уже не я, это что-то во мне – кипит и бурлит, тянет меня назад.

Не выдерживаю – у самого крыльца бросаюсь на улицу, еле усмиряю в себе звериный рык. Старушонка в платочке косо смотрит на меня, пугливо крестится – ее крест ножом вонзается в мое сердце. А ведь сердце-то уже не железное, как раньше, его уже и щепочками осиновыми, и пульками серебряными, и...

Превозмогаю боль – уже не страх, боль, иду вперед, в смерть. А ведь правда – кое-кто из наших оттуда не возвращаются. Да что кое-кто – я вообще не знаю таких, которые вернулись...

Назад...

Да какое назад... уже неделю хожу туда-сюда, ныряю сюда, как в омут с головой, и убегая. И снова вспоминаю их, которые после смерти – вместе...

Иду – мертвый холод пронзает до костей, тут же сменяется нестерпимым жаром. Вхожу. Наскоро вспоминаю, что нужно сдернуть берет. Что там... пожертвуйте... бросаю сложенную вчетверо сотню, иду...

Что делать... мысли путаются, спотыкаются одна о другую. А я ведь и не знаю, что делать, войти, а дальше... как по воздуху иду к алтарю...

Вселенная взрывается тысячей осколков...

– ...да что с тобой, сын мой?

Оглядываюсь, смотрю на бородача в черном.

– А... сердце... прихватило... все... прошло с Божьей помощью...

Бородач крестит меня. Не чувствую боли, ничего не чувствую, миг – и новые ощущения захватывают меня... новые... непривычные... легкий холодок, жгучая пустота в желудке...

Вспомнить бы еще, что едят люди... хлеб... да нет, не хлебом единым жив человек...

Половина шестого...

Давно ей пора уже быть здесь. Засиделась... опять ее шеф грузит, не иначе, все они там прогибаются под шефом, вкалывают как проклятые...

Как живут люди...

Полгода живу с ними – не понимаю, как живут люди...

Смотрю на мертвую розу в руках, а я и не заметил, что она мертвая – когда покупал, ее и не видно в футляре, а присмотришься – вот они, высохшие лепестки. Может, не заметит...

Я даже не знаю, что замечают люди, а что нет... Они много что не замечают, уронят бумажник на улице – не заметят,

вляпаются где-нибудь в краску, так и ходят...

Вспомнить бы еще, как ее зовут... Эльга... нет, Ольга... Странно, в ту ночь как в бреду шептал ее имя, познавая таинство, великое таинство, а теперь не могу вспомнить не только имя – цвет ее глаз...

Ольга... даже номер ее не спросил... Да что номер, что я вообще про нее знаю...

Люди спешат мимо, люди все время куда-то спешат – как будто убегают от самих себя или догоняют самих себя, надеются где-нибудь столкнутся с собой. Мне кажется, они тоже стараются не думать – ни о чем, бегут от собственных мыслей, как бежал я...

Я чуть не упустил ее, вот ведь, сколько ждал, когда появится, а тут чуть не упустил. Вот она, теперь вижу – глаза зеленые, чуть раскосые, нос с горбинкой, идет, цокает каблучками... улыбается, раскрывает руки, будто ловит меня...

Иду...

Не то Ольга, не то Эльга проплывает мимо, вклинивается в объятия лысоватого здоровяка...

Не понимаю.

Иду за ними – как по воздуху, как в тумане, все еще держу розу, если держать на вытянутых руках, то и не видно, что она – мертвая...

Заходят куда-то, где столики за стеклом, изучают меню. Я и не знал, что туда ходят люди, для меня это было что-то... недоступное, запретное, как врата рая, где цветы и птицы,

запретные плоды и лукавые змии, и ангел с мечом огненным, вот он стоит, только не с мечом, а с дубинкой и рацией, сто седьмой, проверьте центральный вход...

Я ждал. Я уже знал, что нужно ждать, когда Ольга, или Эльга, или как ее там, сидит за стеклом, говорит по телефону, щелкает на компьютере, вот сейчас доделает все свои человечесьи дела, выйдет ко мне...

Половина девятого...

Смотрю на розу – она умерла уже давно, если издалека – и не видно, что умерла. Из стеклянных дверей выходит Ольга, или Эльга, или как ее там, и этот лысый, который ходит за стеклянными дверями, где все блестит и сверкает, и цены в евро, а у нас распродажа, скидки до семидесяти процентов...

Выходят. Садятся в машину, сверкающую, синюю, я и не думал, что в таких машинах кто-то ездит... Почему-то казалось – они катаются по проспектам сами по себе...

Смотрю им вслед...

Начинаю понимать...

– Молодой человек, я же сказал вам... когда примем решение, мы вам позвоним...

Выхожу от него – растерянный, не понимающий. Все еще сжимаю в руке договор, я не знал, что он окажется мертвым. Иду – в никуда, в улицу, здесь ходил полгода назад, когда...

Подпрыгивает сердце – я и забыл, что оно у меня есть. Вот

они, двое, выходят из стеклянных дверей, где вкусно пахнет, где цены в у-е и ангел без меча огненного у входа. Идут к машине, в которых, оказывается, кто-то ездит, он распахивает дверь...

Подхожу – как по воздуху, хватаю Ольгу под локоть.

– Оль, ты какого тут делаешь? Уже хахаля себе нового отхватила?

– Тебе чего? – лысоватый шагает ко мне, меня обдаёт запахом дорогого парфюма, – давно бошку не отрывали?

– Антошик... ей-богу, я его не знаю... Антошик... я... – девушка хватается лысого за руку, тащит за собой.

– Да погоди ты... мужик, тебя как, сразу убить, или потом?

– Да давай сразу... потом я тебя...

...вытираю губы, кровь капает на курточку, даже жалко, новая куртка, уже замарал. Ничего, много ее еще придется марать... очень много...

К горлу подкатывается тошнота, тут же замирает – нет, мой желудок не отдаст выпитую кровь. Иду в туман, в ночь, еще плохо понимая, кто я. Пытаюсь расправить крылья, не могу. Кажется, я еще не...

...но уже не человек.

– Алло, Зурьева Ивана я могу услышать? Господин Зурьев, это лейтенант милиции говорит... Дочку вашу... то-

го. Да нет, не изнасиловали... убили... ага, убили, говорю... сейчас вот нашли... она и мужчина, знакомый ее, что ли... глотки прокушены...

– Тебя кто так зацепил?

– Да сегодня троих парней загрыз, вот один из них меня и цапнул.

– Крепенько.

– Куда уж крепче...

– На хрена ты троих сразу.

– Да... хлипенький народ пошел, не то что раньше...

– Ну да... тоже верно. Хотя зря ты это, я вот все больше по девушкам практикуюсь... Вот так закадришь бабочку какую-нибудь, шуры-муры, в номер заведешь, и все.

– Также верно... Нашим женщинам вообще хорошо, знай только у гостиницы стой, жди клиента, из которого и кровушку выпьешь, и денежки...

– Это что за явление?

– Где? А-а, этот, у стойки... Вадька...

– Из наших?

– Ну. Перебесился, вернулся.

– Это как?

– Так. Как весна, у него крыша едет. Людей ему, вишь, жалко... И начинает. По церквам, по монастырям... Два раза чуть коньки не отбросил, пару раз и очеловечивался...

– А потом что?

– А черт его пойми... помыкается среди людей, и снова к нам...

Зов крови.

– Да какой у человека зов крови... тут другое что-то... хрен пойми... Сам парень не знает, чего хочет...

Шесть заряженных на нуль

Тень:

Оно живое.

Это я говорю.

Говорю сам себе.

Нет, это не я говорю, это что-то само по себе проклевывается в сознании:

Оно живое.

Что оно?

Кто оно?

Разве есть здесь вообще какое-то – оно?

Есть.

Здесь.

Совсем рядом – ближе, чем самая близкая звезда. Если вообще не (боюсь признаться сам себе) внутри меня.

Это живое.

Сканирую.

Причувствываюсь.

Прищупываюсь.

Нет, не ощупываю.

Именно что прищупываюсь.

Не могу понять, что именно я ощутил, что именно уловил здесь. Проверяю по признакам живого, как учили, – во-

круг должны быть энергии, сплошным потоком должны идти, а между ними не должно быть энергий. А тут непонятное что-то, вот только что это было в потоке сияющих энергий, и уже переместилось туда, где сияющих энергий нет.

Так что неживое.

Нет, нет.

Неживое.

Но почему, черт побери, почему мне кажется, что он живой, кто он, нет здесь никакого его, вообще никого кроме меня нет...

Повторяю про себя:

Никого.

Кроме меня.

Нет.

Встряхиваюсь, прячусь за летящими в пустоте камнями, заставляю себя вспомнить, кто я, что я, зачем я пришел сюда...

Время говорит

Он живой.

Кто он?

Не знаю. Даже толком не знаю, есть ли здесь какой-то он. Четко понимаю, что никого кроме меня здесь нет и не может быть – но что-то неуловимо подсказывает мне, что он следит за мной.

Он...

Он, она, оно, они, оне...

Вижу летящий камень, отматываю его назад, назад, назад, вот так, теперь хорошо – снова пускаю камень лететь по его траектории, снова смотрю. Камень как камень, ничего особенного, сканирую химический состав – тоже ничего из ряда вон выходящего, шесть заряженных на ноль, шесть заряженных на плюс, шесть заряженных на минус. Еще какие-то частицы, тоже ничего особенного.

Камень пролетает мимо, снова ёкает что-то в подсознании – нет, что-то не то с камнем, что-то, что-то, что-то...

Снова отматываю время назад.

Снова пускаю камень.

Смотрю.

Выжидаю.

Уже хочу сказать себе – нет здесь ничего живого, спохватываюсь. Ну конечно же. Глупый я глупый, зачем я смотрю на камень, с камнем всё в порядке, а вот под камнем...

...а вот под камнем...

...а что под камнем?

Присматриваюсь.

Причувствываюсь.

Прислушиваюсь.

Понимаю, что там, в темноте, ничего нет.

Тень.

Просто тень.

Тень говорит:

Меня раньше не было.

А потом стал я.

А потом я сказал себе – я есть.

А потом я поднял глаза и посмотрел на звезды.

Время говорит:

Меня раньше не было.

А потом стал я.

А потом я сказал себе – я есть.

А потом я поднял глаза и посмотрел на звезды.

Тень говорит:

Вспоминаю, зачем я прибыл сюда.

Вижу камень – совсем рядом с моим камнем, выверяю траекторию, нет, этот камень не подходит, он по прямой летит, а вот этот летит по кругу, он подойдет...

Оставляю камень, за которым прятался от света тысячи лет, выжидаю, выверяю – перескакиваю на соседний камень.

Теперь я двигаюсь по кругу.

Вокруг источника.

Что-то происходит – неуловимо, непонятно – снова вижу

себя летящим в тот момент, когда только перескочил на камень.

Показалось.

Нет, не показалось, я был там, впереди, я же там был...

Снова вырываюсь вперед.

Снова оказываюсь там, в самом начале пути.

Мне становится страшно – я уже и не помню, как это, когда страшно, крепенько забыл за миллионы лет. А вот – страшно.

Выжидаю.

Отчаянно соображаю, что делать дальше, – делать дальше ничего не приходится, камень летит по орбите, как ему и положено...

Перевожу дух.

Присматриваюсь к источнику – первый раз присматри...

Время говорит:

...ваюсь к нему как следует, пытаюсь захватить...

Нет.

Что-то не так.

Чем дальше, тем больше понимаю, что здесь, рядом со мной кто-то есть.

Кто-то...

Кто-то...

Кто-то живой.

Спрашиваю себя, что я знаю про живое, вытаскиваю что-то из глубин памяти:

Петли. Это когда поток запетливается.

Кольца. Это когда потока нет, одна петля сама по себе.

Потоки. Ну вот, как я, например.

Вспоминаю что-то про трехмерные структуры, тут же отгоняю от себя эту мысль.

Снова смотрю на что-то, спрятанное за камнем. Это не петля. Не поток. Не, не, не, и еще много всяких не.

Но... но черт побери, он смотрит на меня... смотрит... и думает.

Думает...

Отчаянно отряхиваю изгибы, петли, потоки, отгоняю от себя безумные мысли. Снова смотрю на источник, приноравливаюсь, как ухватить...

...не ухватывается.

Что-то мешает.

Что-то...

Начинаю понимать – но еще не верю в то, что я только что понял, настолько это безумно, немислимо, невероятно...

Снова тяну энергию на себя – сильно, резко, больно, уже не тяну – дергаю.

Не поддается.

Держится.

Не поддается.

Кто-то тянет, кто-то наматывает на себя, кто-то...

Гравитация говорит...

...ничего не говорит, молчит и смотрит.

Тень говорит:

Снова тяну на себя энергию, за которой пришел сюда. Энергия поддается, но тут же снова оказывается вокруг источника. Время отскакивает назад, время не поддается, время...

Вот оно.

Время...

Отгоняю от себя эту мысль – слишком невероятно, слишком... слишком...

Кто-то смотрит на меня.

Кто-то вытягивает у меня только что захваченную энергию.

Кто-то...

Кто-то...

Что есть живое.

Изначально – поток энергий на границе света и тени.

Позже. Полутени. Четверть тени. Тончайшие границы фотонов и их отсутствия.

Позже.

Я.

Хватаюсь за соломинку, оглядываю тени, мелькающие со всех сторон, ищу проблески разума – не нахожу.

Время говорит

Снова перетягиваю на себя энергию.

Я же здесь не случайно.

Я же сюда нарочно пришел – за энергией.

Вот она, энергия, сила притяжения, – еще не рядом, но близко-близко. Я чувствовал её – еще когда оно было бесконечно далеко, я искал его – еще когда оно было так далеко, что я даже сомневался, есть оно или его совсем нет.

А оно есть.

Здесь.

Совсем рядом.

А это значит только одно.

Я буду жить.

Открываю реестр живого.

Осторожно добавляю – тень.

Зачем...

Тень говорит

Открываю реестр живого...
Думаю, добавить или нет...
...закрываю.

Время говорит

Отчаянно наматываю на себя энергию, отчаянно пытаюсь
перетянуть у того, другого...

Что-то происходит...

Что-то...

Что-то...

Что-то...

Энергия не поддается, энер...

Тень говорит:

...гия засасывает меня...

Гравитация говорит.

Вот теперь – говорит.

Выжидаю. Год, два, вечность.

Рано или поздно они придут.

Они.

Кто они.

Не знаю.

Но придут.

Раньше не приходили ко мне. Приходили туда, где свет.

Теперь света не осталось. теперь ко мне пойдут, у меня притяжение.

За притяжением пойдут.

Из притяжения тоже можно жизнь получать.

Подходят.

Вот они.

Их двое.

Вернее, было двое. Один уже в моей власти, одного уже нет...

Тень говорит:

Меня раньше не было.

А потом стал я.

А потом я сказал себе – я есть.

А потом я поднял глаза и посмотрел на звезды.

Нет, до этого, конечно, много что было: я бился новоявленной жизнью на границе света и тени, я уползал от беспощадного света – и не менее беспощадной темноты, я умирал – когда звезда уходила за горизонт, я снова оживал, но уже не помнил, кто я есть... Я выискивал границы света и тени, чтобы не умирать...

Время говорит:

Меня раньше не было.

А потом стал я.

А потом я сказал себе – я есть.

А потом я поднял глаза и посмотрел на звезды.

Нет, до этого, конечно, много что было – когда из бессмысленного бездумного потока начали рождаться первые завихрения, времявороты, они умирали, появлялись снова, но они не помнили, кто они есть, отчаянно пытались сохранить свою память...

...или нет, я бился новоявленной жизнью на границе света и тени, я уползал от беспощадного света – и не менее беспощадной темноты, я умирал – когда звезда уходила за горизонт, я снова оживал...

Тень говорит:

...или нет, много что было – когда из бессмысленного бездумного потока начали рождаться первые завихрения, времявороты, они умирали, появлялись снова, но они не помнили, кто они есть, отчаянно пытались сохранить свою память...

Тень/время говорит:

...реальности слишком быстро сменяют одна другую – я не успеваю понять, кто я есть. Слишком много было реальностей, слишком по-разному всё происходило. Поэтому если вы спросите, как я сейчас выгляжу – я не отвечу. Слишком много реальностей проходят рядом, стараются друг друга не за...

...деть, не могут – наслаиваются, сталкиваются, и вот только что я был потоком времени, в котором мечутся электромагнитные волны, и вот я уже – дрожащая тень. Но и эти миры выталкивает третья реальность, где меня вообще нет, где осталось только воспоминание обо мне.

Гравитация усиливается, тянет за собой.

А дальше будет гибель.

Смерть.

Вспоминаю признаки смерти, впрочем, можно и не вспоминать, впрочем, и так всё ясно.

Смерть.

Здесь.

Сейчас.

Совсем рядом.

Притяжение засасывает...

Отчаянно ищу того, второго, сам не знаю, зачем, как будто я смогу его уничтожить...

Чувствую гравитацию, источник энергии.

Здесь.

Рядом.

Причувствываюсь.

Прищупываюсь.

Начинаю понимать.

Живой.

Он живет, он думает, он дышит...

Гравитация говорит:

...а гравитация все равно ничего не говорит.

Тень говорит:

Мечусь по бесконечным изгибам гравитации, отчаянно ищу выход, не нахожу. Притяжение схлопывается вокруг меня, хочу вырваться, не успева...

...что-то отбрасывает меня, выталкивает из ловушки, что-то, что-то...

...второй.

Отчаянно ищу второго, – слишком много нужно передать ему...

...нахожу.

Чувствую.

Теперь понимаю – он живой.

Был живой.

Потому что теперь он мертвый.

Потому что только живые умирают.

Здесь должно быть время, но его не будет, потому что его уже нет.

Тень говорит:

Источник энергии...

Здесь.

Совсем рядом.

Поток частиц.

Всполохи.

Активация.

Захват.

Захват.

Захват?

...нет.

Контакт. Еще едва уловимый, едва понимающий, кто он и что он – но контакт.

Источник тепла вопрошает меня —

Кто я есть.

Я хочу ответить – и понимаю, что ответ будет слишком длинным.

Длиной в бесконечность.

Не успеваю ответить, реальности пересекаются слишком

быстро, чтобы понять – кто я.

Он говорит о втором.

Спрашивает – где он.

Спрашивает – как это, больше нет.

Пытаюсь объяснить, у меня не получается, он не хочет понимать, как это – больше нет.

Есть он, второй.

Есть.

В сознании того, третьего.

Гравитация уже не затягивает – она приглашает.

Приглашает...

...объединение гравитационных волн и течения времени приводит к...

Уникальная возможность

– Кто я...

Это я спросил себя сразу же – как только открыл глаза. Это было так непривычно. Так странно – открывать глаза. Раньше я не знал, как это делается.

Несколько раз открыл и закрыл глаза – мне понравилось. Повернул голову. Посмотрел на свои руки. Раньше я не знал, что у меня есть – руки. Пошевелил пальцами – тело слушалось меня удивительно легко.

Тело...

Знать бы еще, что это такое...

Слова... слова приходили откуда-то из ниоткуда, я знал их, но откуда я их знал, я не знал. Прошло какое-то время, прежде чем я оглядел мир вокруг. Совершенно незнакомый. Совершенно чужой.

И сам я был чужой самому себе.

– Димон, ты чего, живой там, нет?

Я задумался. Решил, что я все-таки живой.

– Живой, – сказал я.

– И на том спасибо. Сидит... как не знаю, кто. Солнцем, что ли, шибануло?

Я не понял вопроса. На всякий случай кивнул.

– Сидит как на похоронах... артист... Сам больше всех орал, когда уже, мужики, на пикничок выберемся... выбра-

лись... на тебе...

Я кивнул.

Выбрались.

Хоть расскажи что-нибудь смешное.

Снова кивнул. Потом помотал головой.

– Не знаю.

Люди вокруг залаяли. Нет, не залаяли, это как-то по-другому называется. Не знаю.

Да и вообще – откуда я все это знаю...

Кто-то протянул мне темные кусочки, нанизанные на палку. Я начал снимать их – рывками, рывками, это было больно. Я терпел – наверное, так надо, чтобы терпеть боль.

– Ты чего делаешь?

Чувствую – все смотрят на меня, оглядываются. Чувствую – что-то не так. Смущенно снимаю кусочки – один за другим, аккуратно, знать бы еще, куда их складывать...

– Ты чего? Не нравится, что ли? Ну, ты даешь, сам орал, мясо в сметане замачивать, вкус изумительный...

Только сейчас догадываюсь посмотреть на остальных. Как рвут кусочки зубами. Знать бы еще, куда их потом девают, когда засовывают в себя. Ладно, если что, можно потихоньку выбросить...

Надкусываю. Дальше что-то происходит, до конца не понимаю – что. Кусок только что был – и нет. Хватаю второй кусок. Чувствую, начинает нравиться...

Хочу спросить – кто я, чувствую, что не надо этого делать.

Кровь...

Откуда кровь...

Захлебываюсь... просыпаюсь... откуда кровища натекла, откуда что... а вот, блин, из носа и течет... окаянная...

Прихожу в себя. Действительно прихожу в себя. Тело меня не слушается, как будто оно не мое, тело, ну давай же, вставай... не хочет.

– Очнулись?

Люди в форме. Много людей в форме. Оглядываю зарешеченные окна, еще не понимаю, но чувствую, дело дрянь.

– А... да.

– Ну что... чем он вам мешал-то?

– К-кто?

– Роттервельд.

– А... ч-что с ним?

– Не помните ничего, что ли?

Не помню. Не могу помнить. Действительно не могу помнить...

– Я, понимаете... это, самое...

– По обмену?

– Ну да.

– Врите больше. У нас тут таких знаете, сколько... и жену свою в пьяном угаре зарезал по обмену, и ларек с пивом грабанул по обмену, и на остановку наехал по обмену... обменники, блин...

ВНИМАНИЕ! УНИКАЛЬНЫЙ ШАНС!

Давно мечтали о дальних перелетах? Хотели вырваться с матушки-земли, но не могли воплотить свою мечту? С ужасом смотрели на ряды нулей в кругленьких суммах, которые платят космические туристы? Покупали лотерейные билеты в надежде на чудо?

– Ну да, знаете... всю жизнь была мечта... вот меня еще в детстве спрашивали, кем хочешь быть, космонавтом... смеялись. Так обидно было, что смеялись... потом уже по молодости мне отец такого космонавта показал, мало не показалось... в жизни ему не прощу, что он меня в эти менеджеры запихнул... да и здоровье не то... узнавал про космический туризм, так там и цены космические (смеется), бешеные бабки за пять минут в невесомости... кому это надо...

Действительно, космические туристы сталкиваются с немалыми трудностями. Огромные цены на билет, топливные сборы, до ближайших планет приходится добираться годы, а то и десятки лет. А еще нужно будет как-то жить на других землях под другими солнцами, где условия явно отличаются от тех, к которым мы привыкли. Даже если вы выложи-

те еще одну кругленькую сумму за гостиницу, вам так и придется сидеть в этой гостинице безвылазно, изредка перебираясь в вездеход.

– Ну... я как-то не так себе это представляла... почему-то виделось все, как в фантастических фильмах... сели в корабль, за пять минут долетели, потом вышли, на нас такие скафандры легкие, пошли по инопланетным городам... а получилось все... я думала, сдохну в корабле этом... десять лет туда, десять лет обратно. Ну понятно, в анабиозе, мне-то от этого не легче... я до сих пор после анабиоза этого в себя прийти не могу, месяц отходила... как будто другим человеком стала... а жара на Церере этой... я думала, подохну... выдали вездеход, повезли нас куда-то... я говорю, а наружу можно, на меня как на дурочку смотрят, сгореть хочешь или как... я потом так ревела, так не хотела в гроб этот ледяной обратно... это муж все, помешался на своем космосе... я уже на развод подала... а что на развод, я уже на земле толком жить не могу, здесь все по-другому стало... у меня это уже... аэрофобия... нет, тьфу, как ее... когда открытых пространств боишься... вот, короче...

Да, воспоминания космических туристов не отличаются положительными эмоциями. Добавьте к этому бешеный уровень радиации, вымывание кальция из костей, выпадающие зубы и волосы. Картина, прямо скажем, не оптимистичная.

Забудьте об этом!

Мы предлагаем Вам уникальную возможность побывать на других планетах абсолютно **БЕСПЛАТНО!**

Да-да, вы не ослышались. Бесплатно. С вас требуется совсем немного вашей крови и ничего больше. Вам стоит только заполнить анкету на нашем сайте, и...

ФИО

Пол

Возраст

Рост

Вес

Состояние здоровья

Если есть заболевания, то какие (перечислите максимально подробно)

Страна проживания

Город проживания

Улица

Дом

Квартира

Состав семьи

Место работы

Где вы хотели бы побывать?

Я согласен на хранение своих данных в архивах агентства

Я согласен предоставить в аренду свое тело на срок до 1 мес.

Я согласен на процедуру временной реинкарнации (до 1 мес.), ознакомлен с возможными негативными последствиями.

Вспоминаю.

Вспоминаю – то, что не вспоминается, выжимаю из памяти то, что не выжимается, было же, черт возьми, было... со мной...

Или не со мной...

Падаю – в никуда, в бездну космоса, падаем – крепко сцепившись друг с другом, враг с врагом, знаю уже, никто не выйдет живым из этой схватки...

Что-то приближается – массивное, темное, очередная планета, даже издали чувствую – с горячей сердцевиной, раскаленной, огненной, проходить сквозь такую планету сложновато...

Ничего... проскользнем...

Если будем живы...

Врываемся в атмосферу... вспыхиваем рыжим пламенем...

Он жжет меня... сильнее, сильнее...

Сжимаю его – из последних сил, чувствую, как жизнь покидает меня...

Падаю – сжимая то, что осталось от врага...

Не могу... голова разрывается от боли, теперь вспоминаю, как это называется – боль... сжимаю виски, интерес-

но, бывает такое, чтобы голова разбилась... пью воду, смачиваю лоб...

Нет, не могу...

Нет, надо...

Вспоминаю. Выжимаю из себя образы, вспоминаю – как летел, как кувыркался, как умирал – и воскресал снова, как рухнул – на берегу реки, вот в это, плотное, тяжелое, ставшее моей тюрьмой...

Выуживаю из памяти что-то почти забытое – солнечный удар...

– Ну что... – шеф смотрит на меня, под глазами мешки, можно картошку складывать, – дело-то дрянь.

Киваю. Кто бы сомневался, что у нас в отделе дело дрянь, такая дрянь, что дряннее некуда. Понять бы еще, что конкретно ему не нравится.

– Вот ты мне можешь сказать... где они, а где мы?

– Не понимаю.

– Это вы... про что?

– А то сам не знаешь. Вот идет по улице человек, вот ты как можешь сказать, человек это или...

Смотрит на меня. Многозначительно. Начинаю понимать. Ох, лучше бы не напоминал про этих...

– Ага, у меня сын так... обменялся с кем-то на месяц... жуть такая...

Шеф таращит глаза, напрягается, как перед прыжком:

– Вернулся?

– Ага... потом еще месяц отходил после того, что там увидел... в чужом теле... Все норовил на пол лечь и ползти, как змея...

– Ну, хоть вернулся, и на том спасибо... а вот так на улицу выйдешь, на вскидку можешь сказать, кто человек, а кто...

Прикидываю.

– Н-нет. ну... иногда разве что... если там кто под машину чуть не попал, его штрафанешь, он руками разводит, а они разве в нашем измерении...

Шеф по-хомячьи фыркает.

– Ты этим не верь... которые руками разводят. Это теперь нарочно придуриваются, чтобы штрафы не платить... идиотищи. Настоящие-то они подготовку проходят, на какой свет дорогу переходить, в какое ухо ложку нести... так что черта с два ты их от людей отличишь... вот сколько их сейчас среди нас... а?

– У них вроде как данные есть...

– Вроде как... то-то и оно, что вроде как. И кто эти данные проверял? То-то же... данные... вот ты мне можешь сказать, вот ты сам... кто?

Смеюсь, так, что ли, непонятно...

– Чем докажешь?

– Не верите?

– Нет, конечно... а я вот кто?

– А вы это вы.

– А чем докажу? Вот то-то же...

...понимаю, что остался один. Среди них. Они еще делают вид, что ничего не происходит, они по-прежнему по утрам выходят на работу, ездят по свету, покупают хлеб в супермаркете. Я не знаю, сколько будет продолжаться этот спектакль, а потом...

Я остался один. Настоящий человек среди... не знаю. Не хочу знать. По крайней мере, у меня есть козырь. Я знаю их властелина. Знаю в лицо. Он сам мне признался. Быть может, если я убью его, остальные сами...

...вишное преступление в Верхнеуральске, сержант полиции расстрелял своего начальника, свои действия оправдывает якобы мировым заговором, направленным на...

ОСТАВИТЬ СВОЙ КОММЕНТАРИЙ

Правильно, развелись эти черти среди нас, уже вообще хрен поймешь, где они, где мы...

Зачем говорить о том, чего не знаете? Еще не было ни одного обмена землян, а вы уже всполошились...

Ты откуда знаешь?

Я там работаю, вот и знаю.

Да? И где доказательства, что ты это ты, а не кто-нибудь?

Вы еще скажите, что в меня дьявол вселился.

И скажу. И чем докажешь, что нет?

Укажите, куда бы вы хотели отправиться:

Галактика

Планетарная система

Планета/звезда/газовое облако/астероид (нужное подчеркнуть)

...тря на негативное отношение общества сегодня нашелся первый турист по обмену. По соображениям безопасности мы не указываем его имя и координаты. Турист по обмену изъявил желание посетить планету (№), гравитация на которой составляет $\frac{1}{2}$ от земной, а температура воздуха достигает 300 0 С Уже найден турист по обмену, согласный посетить Землю в обмен на...

– Вы ознакомлены с правилами поведения?

– На красный свет.

– Что на красный свет?

– Нельзя.

– Что именно не...

– ...начинаешь задыхаться, заройся в песок.

– Правильно. А зачем?

– Ну... какие-то там процессы идут... окислительные...

– Ой, Вадим, Вадим... что у вас в школе по химии было...

ну да ладно... дальше.

– Если на не...

– ...льзя на красный свет?

– Ну... все.

– Ну да, в общем-то, правильно... я сам с этим красным плохо понял. Дальше.

– Не завидуй, не обманывай, не укради, не пере... не перелюби... не убий...

– Дальше.

– Сначала налево, потом на...

– ...бе две луны...

– То что?

– М-м-м... то пить уже достаточно.

– Вадим, мы тут с вами не шуточки шутим.

– Не помню я... а, буря приближается. Песчаная.

– И что делать?

– В норку за...

– ...право.

– Не совсем верно. Смотря в какой точке планеты... дальше.

– Мойте руки перед едой.

– Это что? Первый раз слышу...

– Мне гость такое прислал.

– Ладно... дальше...

– ...рыться.

– Дальше.

– В минуты нападения и агрессии надо светиться...

– На кого вы там нападать собрались?

– Ну... мало ли.

– Вы смотрите, международные отношения-то нам не очень...

– Все?

– Ну... рано в кровать, рано вставать, горя и хвори не будешь знать...

– Ну-ну... я так понимаю, учебник вы даже не открывали, все так... обрывочные...

...я проинформирован, что мое сознание может быть частично повреждено или разрушено при транспортировке. Я информирован, что при определенных неполадках мое сознание может навсегда остаться в чужом теле. Я информиро-

ван, что может быть осуществлен переход не в указанное тело. Я в курсе, что транспортировка сознания может повлечь за собой летальный исход. Я знаю, что транспортировка сознания может быть причиной обострения таких психических заболеваний, как...

– И что, всю эту хрень от руки писать?

– Да, чтобы не говорили потом, что вас не предупреждали...

– ...встаем, встаем, гражданин... и в участок...

– Да... н-н-неее...

– В участок, в участок... там некать будем.

– Да.... Н-не пьяный я...

– Ну конечно, сама трезвость.

– Да не-е... мне эт... самое... сознание... пересадили...

– Ага, ври больше.

– Да во те крест! А это какая планета?

– Пошли, пошли, нечего тут... артист хренов, пересадили ему... в милиции так пересадят... специально узнавали, ничего такого не бывает... когда пересаживают...

– Барышня, почему нарушаем?

– Ой, знаете, тут такое дело... я тут недавно с другой планеты, ну, по обмену, так я еще это...

– Ага, врите больше... удостоверение ваше где?

– Права?

– Да не права, удостоверение, что вы... оттуда...

– Ой, я...

– То-то же. Штраф, барышня, штраф... или договоримся?

– Минька, горе мое лыковое, ты когда есть нормально научишься, извазюкался весь!

– А я... не умею.

– Ага, восемь лет, он есть не умеет... штаны надевать тоже не умеешь?

– Ага... я это... по обмену... с Сириуса... не знаю еще ничего...

– Ври больше, с Сириуса он... чучело гороховое... марш умываться уже...

– Ты, парень, инопланетянин, что ли?

– Вы... я... что-то нарушил?

– Да наоборот... блин, машин нет, он до зебры семь верст киселя хлебает...

– Не... не понимаю вас...

– Да мы сами себя не понимаем, такой народ... айда, посидим с нами...

– ...выпьем?

– Угадал.

– Мне хозяин сказал... не пить...

– А чего так?

– Про меру что-то...

– Да по шкалику-то можно... не помрешь, чай...

...многие люди пытаются сослаться на обмен телами при совершении каких-либо правонарушений. Что характерно, настоящие туристы по обмену отличаются подчеркнuto правильным поведением. Инцидентов, произошедших с гостями, не наблюдается.

Сейчас появляется все больше желающих обменяться телами, на земле в настоящее время насчитывается более 50 туристов. Подходит к концу срок пребывания на земле первого туриста, в интервью нашему каналу он сообщил, что необычайно поражен увиденным и прочувствованным, пребывание на нашей планете он запомнит на всю жизнь.

Кровь...

Откуда кровь...

Захлебываюсь... просыпаюсь... откуда кровища натекла, откуда что... а вот, блин, из носа и течет... окаянная...

Прихожу в себя. Действительно прихожу в себя. Тело меня не слушается, как будто оно не мое, тело, ну давай же, вставай... не хочет.

– Очнулись?

Люди в форме. Много людей в форме. Оглядываю зарешеченные окна, еще не понимаю, но чувствую, дело дрянь.

– А... да.

– Ну что... чем он вам мешал-то?

– К-кто?

– Роттервельд.

– А... ч-что с ним?

– Не помните ничего, что ли?

– Не помню. Не могу помнить. Действительно не могу помнить...

– Я, понимаете... это, самое...

– По обмену?

– Ну да.

– Врите больше. У нас тут таких знаете, сколько... и жену свою в пьяном угаре зарезал по обмену, и ларек с пивом грабанул по обмену, и на остановку наехал по обмену... обменники, блин... нашествие, блин... вторжение, блин... на землю...

Сегодня в 18:30 по московскому времени был заколот ножом известный магнат Рихард Роберт Роттервельд, прибывший с рабочим визитом в Москву. Убийство совершено на глазах у многотысячной толпы 23-летним риелтором Вадимом Князиным. По предварительным данным...

– ...вы обвиняетесь в...

Кусаю губы. Может, еще смогу дозвониться до агентства, может, еще отмажут меня как-нибудь, это же не я, это же...

Слабое утешение. У меня чувство такое, что я там тоже сморозил что-то... отмочил такое... чего отмачивать нель-

зя было... я когда вдыхал розовый песок, там почему-то все черви огнем сразу вспыхнули...

Так что мы квиты...

– ...к хорошим новостям. Как стало известно по наблюдениям, на нашей планете уже полгода не наблюдается вооруженных конфликтов, непрерывный рост экономики показывает...

Здесь...

Нет, не похоже...

Или тут...

Тоже что-то не то...

Что там было... я даже не помню толком, какая галактика. Вроде бы спиралевидная, хотя кто ее знает... не помню. И звезда... вспоминаю сияние чужой звезды, все время вспоминается по-разному, то ярко-желтое, то огненно-красное, то...

Может, эта...

Зависаю. Жду. Скольжу над планетами, вроде бы третья от звезды... замираю – над ледяной пустыней, оглядываю песчаные дюны, ищу плоть – живую, тесную, душную – чтобы слиться с ней воедино.

Нет, не то...

Опять ошибся...

Поднимаюсь над планетой, песчаный пейзаж изгибается

чашей, снова выгибается огромным шаром. Не та планета.

В который раз – не та...

Я чего боюсь... Может, уже что-то поменялось на той земле, где я обрел свою душу. Что-то подсказывает мне – могло поменяться, например, она, единственная, могла стать другой, например, отпустить крылья, или...

Не знаю. Что я про них знаю...

Не все же неизменно....

Кто их знает... все-таки по их меркам прошло полтора миллиарда лет...

Система на простынях

Захожу в кабинет.

На цыпочках. ГОТОВЫЙ в любую минут лечь на пол, пока меня не расстреляли на месте.

А он может.

Запросто.

Боюсь я его. Отец меня сюда затащил, крыльями хлопал, да не бойся, да всему научит, да через год его переплюнешь...

Щас-с...

Видит меня, падла, делает вид, что не видит, как издевается, ей-богу. А может, правда, думает о чем-то, о чем они там думают над экранами, глаза дикие, красные, не подходи, убьет...

– Это...

Ноль реакции.

– Это... там звонили...

Не шелохнется. Хочется взять палку, потыкать его, как зверя в клетке, зарычит, укусит.

– Там... в экспериментальном отделе... не работает...

Тишина. И вдоль дороги мертвые с косами стоят. Он слышал меня, не мог не слышать, ну и ладно, мое дело сторона, мое дело передать, а дальше...

На цыпочках подбираюсь к порогу, страшно повернуться

к нему спиной...

– Еще бы у них что работало!

Грянул гром.

– Сами-то они хоть иногда работают, я стесняюсь спросить? Сами не работают, только требуют, чтобы у них все работало... если они там опять триста восемьдесят врубили, я им самим так врублю...

Киваю. Надо бы сказать что-нибудь вежливое, вот отец обязательно вставил бы что-нибудь вежливое, ловко у него получается. У меня так не получается, ну да ладно, ему сто двадцать, мне пятнадцать...

– Долбохлебы... еще бы у них работало... насуют туда чего ни попадя, я потом чини...

– Да там сам черт ногу сломит...

Черт... как это у меня вообще вырвалось такое, вот этого он мне в жизни не простит...

– А мы с тобой на что? Вот мы на то и есть, чтобы черти ноги не сламывали. Что, думаешь, просто так, что ли? Системы сложные, сам, бывает, сижу, думаю, чего им не хватает...

Киваю.

– Чего головой мотаешь, отвалится... пошли, чинить будем...

Беру планшетник, вдруг, что записывать придется, да что значит вдруг. Главное, делать вид, что мне интересно, это админу понравится. Тут бы вопросик какой задать, только какой тут может быть вопросик, когда вообще ничего про

них не знаешь...

Ладно, лиха беда начало... отец говорит, тоже раньше дураком был, ничего не знал... а я про себя говорю, отлично сохранился...

Спускаемся в лифте, лифт тут мудреный, не поймешь, как им пользоваться, на что нажать. Сразу вспоминаю анекдоты про хакеров, как зашел хакер в лифт, собрался на тринадцатый этаж, нажал один, нажал три, стоит, ищет энтер...

Фыркаю. Админ смотрит на меня, ну-ну, смех без причины... Рассказать ему, что ли, да ну, еще обидится...

– Обращаться с ними не умеют... Думают, просто так, нажми на кнопку, получишь результат... ну-ну... черта с два. Там мозги себе наизнанку вывернешь, пока разберешься...

Киваю. Нет, надо спросить, надо, черт возьми, что-то спросить...

– А... зачем их тогда используют, может... модель попроще взять?

– Ну, где можно попроще, там попроще берут... а где задачи стоят такие, что сам черт ногу сломит, там только этих...

Снова разрывается телефон, зовет на помощь. Админ не идет, бежит по коридору, торопливо объясняет что-то кому-то, ни слова не понимаю, какие там еще команды... бли-и-ин, думал, с админом проще будет, чем по книжкам, смотрел в книгу, видел фигу, как на китайской грамоте...

Забираемся в вагон, от волнения забываю, как пользоваться пневмопоездом, долго не могу приложить карточку,

долго не могу подключить разъемы, сисадмин испепеляет меня взглядом. Тут же забывает про меня, снова разрывается телефон, снова втолковывает что-то кому-то, ты идиотище, что ли, на ассемблере с ним, вообще уже... какие разъемы, без меня вообще ничего не подключаай, я тебя потом к тремстам вольт подключу, мало не покажется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.